

*Шамсият
Абасова*

**Кавказская
любовь**

16+

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Шамсият Абасова
Кавказская любовь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Абасова Ш. Г.

Кавказская любовь / Ш. Г. Абасова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная
буква»)

Главное в юности: правильно выбрать человека с которым будешь идти по жизни. Ведь именно этот выбор определяет счастье и качество всей твоей дальнейшей жизни.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	39
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Пролог

Я очень долго выбирала имя для этой героини. Всем другим персонажам имена как-то сами собой нашлись, а вот с именем главной героини все никак не могла определиться. Оно должно было быть истинно аварским, хунзахским, красивым и подходить ей. Но ничего такого так и не находилось. Все было не то. И тогда я дала ей свое имя. Эта история такая нежная, красивая, романтическая, что я решила дать ей свое имя. И ничего, что оно не хунзахское и даже не аварское.

Глава 1

Осман сидел в машине. Из динамиков звучала красивая музыка. Эта песня была на аварском языке. Осман не понимал, о чем песня, он ведь был даргинцем, но он знал, что песня о любви. Капли дождя падали на лобовое стекло, и когда видимость становилась совсем мутной, Осман включал «дворники». Ему очень важно было видеть то, что происходит на улице. А там шел дождь.

Парень внимательно смотрел на улицу через лобовое стекло своей машины. Он ждал. Он сидел в ожидании, пока из университетских ворот выйдет Шамсият. Хотел предложить ей подвезти до дома. Ведь шел дождь. А зонта у Шамсият с собой нет. А значит, она должна принять его помощь.

Шамсият была его одноклассница, и он уже целый год был влюблен в девушку, но весь прошлый год он держал свои чувства в тайне от всех. Он хранил эти особые чувства, впервые пробудившиеся в его сердце, так, чтобы никто, ни один человек не догадался о них. Осман был прагматичным юношей. Сначала он хотел убедиться, что его чувства настоящие.

Дождь барабанил по крыше, размывал лобовое стекло, а девушки все никак не было видно. Осман начал переживать: «Может, она уже ушла, а я просто не заметил? Отвлекся на что-то или, может, она даже раньше меня вышла из университета... хотя вряд ли... ведь я специально вышел из аудитории первым и сразу же побежал вниз – к своей машине».

Сегодня с утра стояла пасмурная погода, а на предпоследней паре уже начал идти дождь. И тогда у Османа созрела идея подвести Шамсият до дома: «А вдруг она не согласится сесть в мою машину, – переживал парень. – Она моя одноклассница, и уже год как мы знакомы, должна согласиться».

Прошло уже больше получаса, как Осман ждал девушку, но ее никак видно не было. Он уже собирался уехать, как увидел выходящих из университетских ворот Шамсият и Зарему. Они, промокая под дождем, собирались перейти дорогу. Осман улыбнулся и вышел из машины.

– Девушки, давайте я вас подвезу.

Обе девушки с секунды три стояли в задумчивости, словно взвешивая все за и против, но приняв решение, Шамсият сказала.

– Нет, Осман! Спасибо!

– Но ведь дождь! – выпалил разочарованный Осман, прилагая робкие попытки по спасению своих умирающих надежд. – Вы промокнете.

– Ничего страшного. Мы быстро на маршрутку сядем и поедем, – Шамсият взяла под ручку Зарему, и девушки быстрым шагом, почти бегом поспешили перейти дорогу.

– Но до маршруток далеко! – только успел проговорить Осман, но заметил, что слова уже были ни к чему.

Он и не собирался говорить. Девушки мигом, смешно обходя лужи, перешли на другую сторону улицы и так же побежали дальше вниз. Осман просто стоял и смотрел. Смотрел сначала вслед удаляющимся девушкам, а потом просто смотрел на мокрый асфальт. Он не чувствовал, что стоит под дождем, не чувствовал, что промокает. В чувства парня привел сигнал какой-то машины, которая хотела выехать, но другая машина загородила ей дорогу. Только тогда Осман понял, что дождь идет сильно и он почти промок. Он сел в машину. Он продрог. Включил обогреватель. В машине вмиг стало тепло. Осман согрелся, но с волос его все еще капала вода.

«Вот я дурак! Возомнил себе, что Шамсият может сесть в мою машину. Конечно же, такая девушка, как она, не сядет в машину постороннего парня. Не сядет, даже если этот посто-

ронный парень ее одноклассник и она не одна будет сидеть с ним в машине, а со своей подругой и одноклассницей. Не сядет, даже если идет дождь и она промокает».

Осман понимал, что его надежды были слишком нереальны, но он лелеял их как дитя, радовался им, они его грели, он провел не один час в сладком, трепетном ожидании, когда он будет подвозить Шамсият до дома. Пусть она не наедине будет сидеть с ним в машине. О том, что она сядет на переднее сиденье, он даже мечтать не смел. Он просто хотел подвезти ее до дома, возможно, увидеть улицу, на которой она живет, ее дом... но его надежды были разбиты.

Из динамиков звучала грустная музыка, словно утешая и сочувствуя ему. Но парня стало это раздражать. Он выключил музыку.

Парень завел машину и медленно, осторожно, чтобы не задеть стоящие рядом машины, выехал на трассу. Вскоре машина вылилась в общий поток машин, и Осман двигался в течении машин, подчиняясь общим правилам: «Ничего страшного. И почему это я так расстроился?.. Это ведь естественно. Конечно, она не сядет в мою машину».

Стояла осень. Вторая студенческая осень в жизни Османа. В этот дождливый октябрьский день впервые разбилось сердце парня. Он впервые ощутил горечь неоправданных любовных надежд. Но он понимал, что это только начало. Начало его борьбы за сердце, а возможно, и руки девушки, которая завладела его сердцем. Сдаваться он не собирался. Он будет бороться до последнего вздоха надежды в его душе. Надежды завоевать любовь девушки, разделить с ней свою любовь, а возможно, и жизнь.

Шамсият промокла «до нитки», пока доходила до дома. Маршрутку они поймали сразу, но от остановки до дома путь был неблизкий. Она не ожидала, что дождь такой сильный. Когда зашла домой, с нее капала вода и «зуб на зуб» не попадал от дрожи. Настолько девушка промокла и продрогла. Одета она была в тонкое платье. Сентябрь, как и всегда, был очень теплым, вначале даже душным, и октябрь, судя по всему, обещал много теплых и солнечных деньков, но видимо, резко передумал. Вчера было тепло. Да что там вчера. Утром еще было тепло и солнечно. Но вдруг погода сильно испортилась. Сначала небо затянуло тучи. Потом они стали совсем темными, и дождь не заставил себя ждать. Резко стало прохладно.

Шамсият обо всем этом не знала. Через массивные окна университета она видела, что погода испортилась и идет дождь, но она не знала, что прохладно. Придя домой, она сразу же побежала в ванную и набрала воду в ванну. Пока набирала воду, сняла мокрую одежду и одела теплый мягкий халат. Халат не согревал ее. Холод проник в тело, и не так просто было теперь от него избавляться. Помочь избавиться от этого холода могла только горячая, обжигающая ванна и чай после него. Шамсият всегда так лечилась. Как только у нее появлялись симптомы простуды или она чувствовала, что заболит, она принимала горячий, обжигающий душ, а потом, укутавшись в теплый банный халат, пила чай, желательно с медом, с малиновым или смородиновым вареньем.

Вода в ванной набралась до краев. Воду пришлось чуть-чуть спустить. Девушка попробовала воду рукой, была как раз такая, какая нужна. Добавила в воду морской соли, разбавила рукой и полезла в воду. Она медленно окунула свое тело в воду, вода приятно обжигала кожу. Шамсият закрыла глаза. Она чувствовала, как холод, который проник в каждую клеточку тела, покидает ее.

Вдруг в голову девушки пришли совсем не веселые мысли: «Как, интересно, там Зарема? Надо было ее послушать и вызвать такси. Наверно, Зарема тоже промокла. Как бы она не заболела. Вот я дура. Из-за меня теперь она заболит. Надо написать ей». Шамсият оглядела ванную комнату в поисках телефона, но его нигде не было видно. Обычно она всегда трубку брала с собой в ванную и ставила ее в поле доступности, она любила лежа в ванне строчить кому-то СМС или сидеть в интернете. Но в этот раз она была мокрая и холодная и потому, забираясь в ванну, даже не вспомнила о телефоне.

Вода остывала очень медленно. Она еще не была остывшей, но Шамсият больше не могла в ней лежать. Девушка очень переживала за Зарему.

Спустила воду. Быстро ополоснулась и, завернувшись в розовое банное полотенце, пошла искать телефон. Он нашелся в сумочке. Поставив чайник, написала по WhatsApp(y) подруге: «Зарема, как ты себя чувствуешь?»

Она была онлайн, поэтому ответ пришел почти сразу же: «Хорошо. А ты как?»

«Я промокла вся. И замерзла. У тебя все нормально? Не промокла?»

«Нет. Мне же от трассы недалеко ходить»

«Жаль, что такси не вызвали. Я боюсь, как бы ты не заболела».

«За меня не беспокойся. Ты сама как?»

«За тебя переживаю».

«Не переживай. Я не заболею. Смотри, чтобы ты сама не заболела».

«У меня хороший иммунитет».

Шамсият родилась и выросла в высокогорном селенье Хунзах. Сейчас она была студенткой Дагестанского государственного университета. Жила девушка в красивом двухэтажном доме своего отца вместе с сестрой Разият. Сестер у девушки было три. Самая старшая, Рабият, уже была замужем и со своим мужем тоже жила в Махачкале. Она с мужем присматривали за девушками, которые одиноко живут в большом доме. Вторая сестрой Разият была на год старше, тоже студентка, и они с Шамсият жили вместе. Самая младшая – Айшат. Она была еще школьница и жила в Хунзахе вместе с родителями. Шамсият было 18 лет.

Девушка была из очень уважаемой и обеспеченной семьи. Родители жили и работали в селе. Отец заблаговременно построил дом в Махачкале, чтобы его дочерям было где жить во время учебы.

К вечеру Шамсият начало знобить. Включать отопление пока было рано, и она залезла в постель, укрыв себя с головы до ног. Даже так ей было холодно, и она попросила сестру укрыть ее еще чем-нибудь.

Разият принесла одеяло от своей кровати и укрыла сестру. А потом подошла к ней со стаканом воды и упаковкой «Антигриппина».

– Шамсият, выпей. Тебе станет легче.

– Что это? – спросила девушка, не вылезая из-под одеяла.

– «Антигриппин». Чтобы грипп тебя миновал.

– Убери, не буду я пить. Само пройдет.

– Ладно, раз не будешь. Сама знаешь. Но если передумаешь, оставляю воду и лекарство здесь, – Разият поставила воду и лекарство на тумбу рядом с кроватью девушки и ушла по своим делам.

Ночью Шамсият почти не спала, у нее поднялась температура. Она еще раз приняла душ, выпила чай с малиновым вареньем. Пить лекарство она не стала, так как считала, что лекарства следует пить только в крайнем случае, надо предоставлять организму возможность самому бороться с вирусами.

Уснула девушка только под утро.

Шамсият разбудил звук будильника. Она и так всегда просыпалась в положенное время, но на всякий случай настроила на своем телефоне будильник, чтобы во все будни прозвенел ровно в 7:00. Она не любила по утрам вставать так сразу, как проснется, и всегда позволяла себе понежиться в постели минут 10–15. Но сегодня, проснувшись под звук будильника, девушка поняла, что она болеет и придется пропустить пары.

* * *

Осману было неуютно в аудитории. Это потому, что здесь не было ее – Шамсият. Он привык всегда видеть ее перед собой.

Шамсият сидела на первом ряду на всех занятиях. И Осман специально сел на третий, чуть сбоку от девушки, чтобы всегда видеть ее.

Девушка запала в сердце Османа с того самого первого дня, как он ее увидел. Это было в прошлом году, первого сентября. Все первокурсники собрались в главной аудитории. Им зачитали списки, кто в какой группе, и познакомили с кураторами. Вот тогда впервые он увидел ее – Шамсият. Она была в белой рубашке и в темно-синем сарафане классического, строгого стиля. Больше всего Осману в девушке понравилась ее коса, толстая и длинная. Он видел девушек с такими длинными косами только в фильмах.

Шли дни, пролетали месяцы, и Осман ловил себя на том, что он все время глазами ищет эту девушку, думает о ней. Парень понял – он влюбился. Это чувство впервые посетило его сердце, и все эти ощущения были для него новы. Его сердце готово было «взлететь» от счастья просто при виде девушки. В то время как Шамсият находилась в поле его зрения, он ощущал эйфорию. Ничего больше не нужно было, только видеть ее, только знать, что она поблизости.

К великой его радости оказалось, что Шамсият не только его однокурсница, но и одногруппница. Весь год он просто наблюдал за девушкой. С каждым днем он все больше и больше влюблялся в нее. Она оказалась не только красивой, но и умной, училась девушка на «отлично». Она казалась ему скромной и хорошей девушкой, лишенной того высокомерия и гонора, к которому привык в девушках, которые его окружают.

Осман заметил, что Шамсият всегда садится на одно и то же место в первом ряду, и выбрал себе подходящее место, так, чтобы всегда видеть ее и наблюдать за ней. Девушка очень редко пропускала пары, но если такое случалось, Осман чувствовал себя неуютно, как-то холодно в душе. Он сам не понимал свои ощущения, но это было похоже на что-то такое, если вдруг солнце ушло и небо покрыли злые тучи. Именно так он себя чувствовал сейчас.

Не было Шамсият на занятиях один день, не было и на второй день. Осман наизусть знал номер телефона девушки, но он не смел ей писать или звонить, потому что ни разу еще этого не делал.

– А Шамсият почему не ходит? – Осман услышал, как Абдулджалил задает этот вопрос Зареме.

– Она болеет. Простужена.

Теперь Осман знал, что с девушкой.

– Сильно? – задал еще один вопрос Абдулджалил.

– Нет вроде. Писала, что скорее всего завтра уже она придет на занятия.

При этом известии в сердце Османа пришла радость, легкость.

Весь прошлый год Осман только издали любовался девушкой, ничем не выдавая свою любовь. Но теперь ему хотелось большего. Ему хотелось рассказать девушке о своих чувствах. Он надеялся, что его чувства взаимны. Но он робел. Даже если чувства не взаимны, Осман был готов завоевать сердце девушки. Он пока даже не знал, как это делать, но он знал, что просто так он не сдастся. А вот признаваться девушке в своих чувствах все не получалось. Он за целый год даже не разговаривал с ней ни разу. Стеснялся. Он не стеснялся ни одной девушки, как ее, и ни одна другая девушка не волновала сердце Османа, как Шамсият. Она была для него словно вода для жаждущего. До сих пор он утолял свою жажду, просто наблюдая за ней, но теперь ему хотелось большего. Ему хотелось общения с девушкой, дружбы. Хотелось узнать, о чем она думает, о чем мечтает. Надо было с чего-то начинать сближение с девушкой, но он

ничего не мог придумать. Когда пошел дождь, у него созрела идея подвести девушку до дома, но она отказалась.

Дождливые и прохладные дни быстро прошли. Погода снова прояснилась, и октябрь обещал еще много теплых и солнечных дней. Студенческая жизнь была интересной и веселой. Как-то одноклассник Али предложил пойти отдохнуть на природу, посидеть.

– А в честь чего мы отдыхаем? – возник вопрос у одного из одноклассников.

– Просто так. Я предлагаю на пикник пойти. За транспорт я отвечаю. Пожарим шашлыки. Поиграем в волейбол. Просто посидим. Разве плохо будет?

Юность – время, когда эмоции самые яркие и незабываемые, а для веселья достаточно только посидеть с друзьями на полянке. Идея пикника понравилась всем. Но не у всех получилось поехать. У кого-то были в эти дни свои дела, а кого-то из девушек не пускали строгие родители.

Осман узнал, что Шамсият едет. А значит, он тоже поедет.

Пикник решили провести за городом, на природе. При выезде из Махачкалы есть такие места, где немного деревьев и поляна, – очень удобное место для отдыха на природе. Именно туда и решили отправиться ребята.

– В четверг только три пары. Давайте пойдем в четверг, – предложила свою идею Сидрат, одна из студенток группы.

– А почему не в выходной день? – спросила Зарема. – После занятий не очень весело будет.

– Да нет, лучше в четверг. На выходных хочется поспать от души, дома посидеть, там домашние дела переделать, – сказала Шамсият.

– Да. Четверг как нельзя кстати. И последняя пара практически, можно всем ответить на первой половине и попросить отпустить нас со второй.

– Кто у нас там преподаватель, думаешь, отпустит?

В четверг у нас мировая экономика. Марина Тамерлановна, – должна отпустить. Она хорошая. Не вредная вроде.

– Да. Марина Тамерлановна отпустит.

– Значит, решено. В четверг? – хотел подвести итог Осман.

– Так! В четверг всем подходит? – спросил у группы Али.

Никто не возражал.

– Значит, решено – в четверг. За шашлык отвечаем: Марат, Осман, Абдулджалил, Мурад и я. А остальные к столу приносят кто что хочет.

– Хорошо, договорились. О мелочах еще поговорим и все обсудим.

Ребятам очень понравилась эта идея с пикником. Они с нетерпением ждали четверга.

Парни, ответственные за шашлык, накануне вечером купили мясо и замариновали его. Дрова для шашлыка решили найти на месте.

У ребят у многих были машины. У кого-то уже своя, а кто-то садился за руль отцовской.

– Зарема, ты взяла одежду для пикника? – спросила шепотом свою подругу Шамсият под лекцию по макроэкономике.

– Да.

– Представляешь, я не взяла.

– Почему?

– Я забыла. Я вчера же все собрала и поставила в пакет, а утром, когда выходила из дома, меня отвлек телефонный звонок и пакет остался на подставке для обуви. Я думаю, может, мне не пойти?

Зарема отстранилась и оглядела Шамсият. Девушка была в белой рубашке, черной кожаной юбке, а на ногах легкие мокасины.

– Ну не знаю. В таком прикиде на природу, конечно, сомнительно. Может, домой пойдешь – переоденешься?

– Я же не успею. Кто будет целый час меня ждать?

– А ты отпросись с последней пары.

– Неудобно же. И вряд ли Марина Тамерлановна отпустит. Мы ведь всей группой уже отпросились у нее со второй половины.

– Тогда идем так. Туда на машине, обратно на машине. Там будь осторожна, чтобы не испачкаться.

– Нет. Я, наверно, не пойду.

– Ну, смотри сама.

Марина Тамерлановна отпустила со второй половины. Ребята пошли переодеваться. Было решено ждать во дворе университета, пока все соберутся, чтобы поехать на пикник.

Это было первое самостоятельно организованное мероприятие для ребят. Они чувствовали себя такими взрослыми, но в то же время ощущали щекочущий нервы страх перед доселе не испробованным занятием. Ехали не все. Потому было решено, что хватит четыре машины. Хоть была возможность взять больше машин, решили этого не делать, так как, возможно, на месте будут проблемы с парковкой. Девушки многие не рассказали родителям, куда они идут, так как предполагали, что родители будут против того, что их дочь с одноклассниками едет за черту города.

Наконец, все собрались. Многие девушки были в спортивном костюме, а кто-то в джинсах, но все были в простой одежде для прогулок, и среди этих ребят Шамсият выделялась своим строгим нарядом.

– Шамсият, ты что, и на пикнике решила всех сразить своим деловым прикидом? – решил проявить сарказм Али.

– Я забыла одежду дома, – девушка и так чувствовала себя неуютно среди одетых попростому ребят, а слова Али совсем заставили засомневаться в своем решении идти. – Ребята, может, я не поеду?

– Поехали, конечно! Не важно, как ты одета. Поехали! – сказал кто-то из одноклассников, и все его поддержали.

У Османа был новый, черный, блестящий автомобиль, который ему на совершеннолетие подарили родители. Он очень гордился своей машиной и тем, что родители доверяли ему и купили машину. А вот его старший брат все еще ходил без своего автомобиля так как проявил себя как безответственный и легкомысленный молодой человек. Родители сказали, что купят ему машину только тогда, когда он докажет им, что он умный и готовый нести ответственность за свои поступки человек. Брат сильно злился за это на родителей, на Османа. Но он и сам понимал, что родители приняли мудрое решение.

Ребята, весело болтая в предвкушении незабываемого времяпровождения зашагали к площадке на которой стояли машины. Заранее не было определено кто с кем сядет. Осман очень хотел, чтобы Шамсият села в его машину, но Али позвал Зарему к себе и Шамсият как ее подруга пошла с ней.

До места назначения доехали очень быстро. Выбрали поляну на окраине, на которой росли деревья. Все четыре машины припарковали рядом.

Доехав до места и выйдя из машин, ребят, привыкших к городскому пейзажу покорила осенняя природа. Погода стояла теплая, солнце частично спряталось за облаками, из-за чего окружающая местность оказалась в тени, что было особенно благоприятно для отдыхающих. Трава везде была высушена, но это были не проделки осени, трава в Махачкале высыхает очень рано, еще в июле. Деревья одетые в оранжево-желтый осенний наряд стояли красивые и величественные. А воздух здесь был удивительно свежий, и пах желтеющей листвой.

– Как же красиво! – вздохнув полной грудью сказала Зарема, – вот что значит осеннее очарование. Давно не видела такую красоту.

– А я привыкла к такому пейзажу. У нас в Хунзахе осень всегда такая, – золотая. И мы каждый день после школы ходили на пашню, траву собирать, – Шамсият вспомнила родные Хунзахские просторы и сенокосы.

– А зачем вам трава?

– Для скота. У нас же овцы. Коровы. Им на зиму надо косить и сушить.

– И что, вы сами траву косили и собирали?

– Ну да. Папа косил. А мы с сестрами и с мамой граблями собирали и складывали в копны. Сейчас там как раз сенокос в разгаре.

Из багажников вытащили продукты, посуду. Девушки постелили поляну специально подготовленной тканью, и раскладывали еду и посуду, а парни пошли искать сухие ветки.

Долго искать не пришлось. Веток было очень много и парни быстро возвели костер, все собрались вокруг костра. Разговаривали, шутили, смеялись. Потом сделали его тлеющим одели заранее подготовленное мясо на шампуры и начали жарить шашлыки.

– Шашлыки будут жариться долго. Идемте играть в волейбол, – предложил Мурад и все его поддержали.

Ребята, весело обгоняя друг друга пошли искать ровное, удобное место для волейбола. Осман заметил, что Шамсият с ними не идет.

– А ты почему не идешь? – робко но смело задал он свой вопрос.

– Куда мне волейбол играть в такой одежде.

Осман осмотрел девушку с головы до ног. – «Классно выглядишь», – пронеслась мысль у него.

– А что тебе мешает играть в таком виде? – уже дерзко спросил парень. В прошлом году он и слова не смел ей сказать, а в этом, его внимание к девушке с каждым днем становилось все настырнее.

– Я же рубашку испачкаю. И юбка может порваться.

При словах «юбка может порваться» Осман почувствовал как лицо его «заливается краской», и он поспешил ничего не сказав уйти, пока девушка не заметила.

Шамсият нашла небольшую возвышенность, и оттуда принялась осматривать окружающую красоту.

Ей стало грустно. Она скучала по своему селу, по родному Хунзаху. Уже был второй год, как она училась и жила в Махачкале, но так и не привыкла к городу. Она часто тосковала по Хунзаху, иногда очень сильно. Как только выпадала возможность она ехала в Хунзах, в отцовский дом, к родителям. Разият не разделяла ее тяги и с удовольствием проводила все праздничные дни в Махачкале, она даже в летние каникулы с радостью осталась бы в городе, но родители обязывали ее приезжать домой. Было непринято, чтобы молодые, незамужние девушки без дела находились вдалеке от родителей. И младшая сестра Айшат, с нетерпением ждала того времени когда, станет студенткой и переберется в город.

А Шамсият была другая. Она очень любила Хунзах, его снежные зимы, и прохладный, иногда даже летом холодный воздух. Его пышные, зеленые, сочные луга, всегда холодную воду. Особенно сложно Шамсият было привыкать к воде в новом месте. Здесь она была совсем другого вкуса, не такая к какой она привыкла и какую любила.

Девушка уже после первого курса попросилась у родителей перевестись на заочное обучения и вернуться в Хунзах. Но отец, который ставил образование чуть ли не самым главным в приоритете считал, что заочное обучение – это вовсе не обучение. Это так видимость. Он вообще не понимал, как можно получать знания, тем более профессию обучаясь заочно.

В воздухе запахло шашлыками. И Шамсият услышала как ребята всех зовут кушать.

Осман шутил, смеялся, играл волейбол, следил за шашлыками, – делал все то, что делали другие парни, но он все время наблюдал за Шамсият. Он заметил, что она какая-то грустная, отстраненная. «Наверно это все из-за того, что она забыла взять одежду», – подумал он. И вдруг ему стало ее так жалко. Захотелось защищать, опекать. Сейчас она казалась такой потерянной, беззащитной.

И тут к Осману пришло понимание, что он хочет всегда оберегать ее, защищать и хочет, чтобы она всегда была рядом – всю жизнь.

«Если мы общались я бы утром позвонил к ней и напомнил про одежду». Но они не общались, и Осман еще ни разу не писал и не звонил к Шамсият, а ему очень хотелось, но он понятия не имел как это сделать.

– Абдулджалил, слышал, что ты профессиональный танцор. Зажигаешь лезгинку как никто другой, – вдруг вспомнил услышанную где-то информацию Али.

– Да. Я с детства танцую. И сейчас часто наших ребят приглашают танцевать на свадьбы.

– Надо же. Среди нас такой талант, а мы до сих пор даже не видели как ты танцуешь, – оживилась Лейла которая очень любила этот танец.

– Это серьезное нарушение. Надо срочно исправить, – бросил вызов Хасбулат.

– Я готов. Хоть прямо сейчас, – принял вызов Абдулджалил.

– Мурад, вроде у тебя была четкая лезгинка, иди организуй, – хлопнул Али своего друга по плечу.

Парень встал и подошел к своей машине. Ребята затихли в ожидании. Через пару секунд прозвучала музыка, и все узнали в ней песню Магомеда Цахилаева, – «Если ты любимая согласна».

Абдулджалил и вправду был профессиональным танцором, танцевал еще с садика. Уверенно ступая ноги под музыку он вышел танцевать. Пока звучала музыка показал свое мастерство владения лезгинкой. Когда начались слова, он вдруг неожиданно подошел к восхищенно смотрящим на него однокурсникам и пригласил на танец Шамсият. Она без лишнего стеснения приняла приглашение и красиво подняв руки поплыла вводимая Абдулджалилом в танце. Никто не ожидал, что Шамсият тоже в таком совершенстве владеет этим дивным кавказским танцем.

Пара танцевала так красиво и изящно, а одноклассники так очарованно смотрели на их танец, что никто даже не вспомнил взять вездесущую трубку и снять на телефон.

Когда затихла музыка и танцоры завершили танец, все ребята долго и громко аплодировали.

Всю дорогу пока ехали домой, а потом и дома, Осман думал об этом танце. Он произвел на него глубокое впечатление. С жадностью смотрел он на каждое движение Шамсият, ее взмах руки, гибкость, грацию. А самое главное, он обратил внимание на то, как Абдулджалил смотрит на нее: «А почему это он именно ее пригласил на танец?» Осман понял, что Абдулджалил тоже влюблен в девушку.

Глава 2

Осман был вторым ребенком и младшим сыном в семье. У него были старший брат Карим и младшая сестра Сабина. Их семья считалась очень обеспеченной и уважаемой. Отец, Джама-лудин Каримов видный политик в Дагестане, занимал серьезный пост в правительстве. Мать, Наида Омаровна, происходила из очень влиятельного тухума. Работала в банке. На данный момент занимала пост начальника отдела кредитования.

Осман помнил как с самого детства отец требовал, чтобы мама бросила работу сидела дома и занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. Но, мать всегда была отчаянной карьеристкой. Она любила свою работу, общественную жизнь. Мать всегда говорила, что не мыслит себя вне работы, что если она не будет работать, а будет заниматься только домом это ее задушит, потеряет интерес к жизни. У мамы были нужные связи и знакомства, потому, она быстро пошла вверх по карьерной лестнице. Очень легко стала бы директором банка в котором работает, но тогда у нее совсем не оставалось времени на семью, на детей. А семья и дети все время нуждались в ней. Ее всегда не хватало в семье. Дети росли как-то сами по себе. У них было все. Все к чему дают доступ деньги. Карим, Осман и Сабина учились в самых лучших частных школах, отдыхали летом в лучших курортах страны. Успели побывать за границей несмотря на свой юный возраст, и не один раз. У детей было все. Они были избалованы и чувствовали вседозволенность. Отец и мать целыми днями были на работе. Воспитание своих детей они почти полностью доверили школе. Но отец следил за тем, чтобы его дети имели правильные ориентиры в жизни.

Вседозволенность и представленность самим себе сделали свое дело. В один день к отцу на работу поступил звонок. Звонила классная руководительница Карима. Она сообщила о том, что их сына милиция хочет взять на учет. Любящий родитель бросил все дела и помчался в школу. В тот раз отец решил вопрос. Карима на учет не взяли. Дали время на переосмысление своего поведения, а отец пообещал взяться за воспитание сына вплотную. С тех пор родители, особенно отец, начали больше времени уделять детям, их воспитанию. Но это мало помогало. Карим рос балагуром и беспредельщиком. У него были такие же друзья как он. Они вместе гоняли на машинах по городу, попадали в неприятные истории, и вообще родители считали, что Карим ведет себя легкомысленно, безответственно и абсолютно не заботится о своем будущем. Именно поэтому они отказались покупать ему автомобиль на совершеннолетие.

А вот Осман, в отличии от старшего брата радовал своих родителей своим трезвым взглядом на жизнь, серьезностью и ответственностью. На Османа не поступала ни одна жалоба со школы. Он с самого детства знал, что пойдет по стопам отца и целенаправленно к этому шел. В свои семнадцать он был очень рассудительным, серьезным и умным молодым человеком. И родители решив, что такому парню можно доверить машину, что нет опасности, что он будет гнать на ней на высокой скорости и попадет в неприятности подарили сыну на восемнадцатилетие автомобиль.

Сестренке Сабине было 15. Самая настоящая модница, она покупала только брендовые вещи. В свои 15, Сабина спускала на одежду и аксессуары большие суммы денег. Впрочем, это было нормально для девушек ее окружения. Они покупали одежду только в «Пассаже» или в других дорогих бутиках города. Сабина, как и ее старшие братья училась в элитной частной школе, и была окружена такими же девчонками и ребятами как и она сама. Если родители порой к сыновьям проявляли строгость и жесткость, то Сабину они любили слишком горячо и нежно и ничего ей не запрещали. Любой ее каприз, любое желание исполнялось так сразу как оно появлялось. Но капризы и требования Сабины касались в основном только приобретения новой модели телефона или очередной брендовой одежды или аксессуара.

Жила семья в огромном двухэтажном особняке на улице Титова. Высокие стены и массивные ворота скрывали от посторонних глаз настоящий рай на земле: декоративные растения, розы, беседка, шашлычная и красивый ухоженный сад. В особняке располагалось подвальное помещение в котором находился настоящий домашний спортзал и бассейн. Все это великолепие содержали в порядке специальные работники которые в определенные дни приходили и выполняли свою работу. Так же во дворе находился огромный гараж который вмещал в себя пять автомобилей. Но в данный момент в него заезжало только три. У Карима не было своего авто, но это никак не лишало его радости жизни, он спокойно брал автомобили родителей.

Даже Сабина уже проявила интерес к автомобилям и почти умела водить. В восемнадцать она собиралась сдавать на права и родители обещали ей купить именно ту машину, какую она захочет.

Несмотря на избалованность и вседозволенность дети Каримовых знали: что создать семью они должны только с представителями своей нации и своего круга и даже желательно своего тухума. Так издревле было принято в Дагестане, и многие придерживались этого правила. А тем, кто не придерживался, часто приходилось жалеть.

Осман с детства был рассудительным мальчиком. В отличие от Карима он никогда слепо не следовал велению чувств, не искал в жизни наслаждений и развлечений. Он мечтал о карьере политика. Мечтал превзойти отца. И отец был счастлив стремлениям сына. Осман всегда помнил слова отца сказанные им еще в детстве: «Если хочешь добиться успеха – сделай в своей жизни главным здоровый рассудок». Именно этому правилу следовал Осман. Эти слова отца он сделал девизом своей жизни. Он всегда жил разумом, а сердце и не требовало от него, то с чем разум был не согласен.

Осман всегда знал, что женится на девушке которую посоветуют ему родители и будет выгодной партией для него, которая станет поддержкой ему в карьере.

Шамсият казалась ему простой девушкой, то есть девушкой не его круга. Одевалась она просто, почти не красилась. И вела себя как самая обычная, простая девушка. Но, она была умной, скромной, училась отлично и с каждым днем нравилась ему все больше и больше.

Осман уже больше месяца пытался пообщаться с девушкой, но все его попытки ни к чему не приводили. Шамсият не замечала его и все его попытки просто поговорить с девушкой, поболтать ни о чем оказались тщетны. Это злило его. Еще ни одна девушка так с ним не поступала. Наоборот, он часто наблюдал такое, что девушки сами хотят с ним поговорить, не прочь подружиться.

И тогда Осман выбрал самый простой и самый прямой путь, он решил просто признаться девушке в любви.

Шла лекция. Осман как всегда сидел на своем обычном месте, и с его третьего ряда открывался прекрасный, ничем не загороженный вид на Шамсият. Ряды в их лекционном зале были расположены по наклонной: то есть каждый следующий ряд чуть выше предыдущего, потому ничего не мешало Осману смотреть на любимую. Волосы девушки были вплетены в косу. Они у нее были длинные, светлые, шелковистые на вид и блестели на солнце. Осману очень нравилось, когда девушка их распускала, но она редко это делала.

Преподаватель сказал, чтобы перестали писать и послушали его. Все поставили ручки и внимательно слушали, а кто-то просто делал вид, что слушает. Шамсият потянула косичку вперед, и наклонила голову на бок обнажив шею. Это не осталось незамеченным для Османа. Именно тогда он взял трубку и написал: *«Шамсият, я люблю тебя»*.

Телефон девушки лежал перед ней. Как только он завибрировал, взяла и прочитала написанное. Она оглянулась на Османа и улыбнулась ему. Эта улыбка согрела робкое сердце парня и дала надежду на то, что его чувства взаимны.

* * *

Шамсият уже давно чувствовала, что нравится парню. Но... Осман ей совсем не нравился. Высокий, слишком худой, и нос у него был большой для его лица и с горбинкой. Парень и по характеру был каким-то слишком тихим, незаметным, молчаливым. Не то что Абдулджалил. Вот он весельчак, душа компании. Веселый и активный. Учился отлично. И внешне Абдулджалил был симпатичным, было в нем особое обаяние и что-то притягательное.

А вот внешность Османа наоборот отталкивала. Он казался Шамсият слишком серьезным, все время ходил хмурым. Она попыталась вспомнить и так и не вспомнила, чтобы видела Османа улыбающимся. А Абдулджалил всегда находился в веселом расположении духа и очаровывал всех своей улыбкой и веселым характером.

Признание Османа для Шамсият ничего не значило. Абдулджалил с каждым днем все больше и больше овладевал ее сердцем и все ее мысли были о нем.

* * *

Сулейманов Гамзат Гаджимурадович с молодости мечтал о сыне. Но первым ребенком у него родилась дочь. Первенец и папина любимица, он назвал ее в честь своей бабушки Рабият. Когда жена Умакусун забеременела вторым ребенком, Гамзат даже не сомневался – будет сын. И имя придумал и даже знал, что его сын уж точно будет сильным, смелым и храбрым. Родилась дочь. Гамзат был расстроен. Девочку назвали Разият, но в детстве кто-то начал называть ее по-модному – Разита, и с тех пор так и пошло, – Разита. Наверно, потому что отец очень сильно хотел сына, Разита с детства обладала боевым, строптивым характером. Она не любила с сестрами сидеть дома и играм в куклы, предпочитала с мальчишками носиться за мячом.

Когда жена забеременела в третий раз, Гамзат уже вслух не строил никаких планов, но в душе страстно мечтал о сыне. Родилась дочь. Мужчина никому не показывал, что расстроен. Он считал это неприличным и недопустимым расстраиваться тому, что ребенок который родился у тебя не того пола каким ты хотел его видеть. Он дал малышке имя своей тети, помогал жене нянчиться с ребенком, а в душе, надеялся на то, что у него все еще будет сын.

Умакусун радовалась, что у них растут трое дочерей. Но она знала мечту своего мужа и часто видела грусть в его глазах наблюдая за тем, как какой-то мальчишка пытается оседлать коня или гоняет мяч. Она очень хотела исполнить мечту мужа, но понимала, что это не в ее власти. Как решит Всевышний так и будет. Долго не решалась беременеть в четвертый раз, но муж ее уговорил.

– Гамзат, а что если опять будет девочка? – Умакусун грустно посмотрела в глаза мужа.

– Ничего. Если родиться девочка, значит Аллахом так суждено, – он поставил руку на плечо жене. – Давай попробуем еще раз.

И они попробовали. Шамсият было уже восемь лет, когда у нее появилась младшая сестренка, – Айшат.

– Что ж душа моя, – сказал Гамзат жене грустно, но нежно обнимая ее, – видимо не суждено нам родить сына. Но ничего... Аллах дал нам четырех дочерей. А значит, пройдет время и будет у нас четыре сына. Сами их себе выберем.

При этих словах Умакусун рассмеялась. Рассмеялся и Гамзат.

С тех пор прошло много лет. Гамзат Гаджимурадович занимал должность главы Администрации Хунзахского района. Умакусун работала в школе учительницей. У них была дружная, уважаемая и обеспеченная семья.

Гамзат понимал какую ответственность как отец он имеет перед дочерьми и старался дать им самое хорошее воспитание и образование. Особенно воспитанию он уделял самое большое

внимание. Он создал в своем доме, в своей семье такую атмосферу, чтобы в дочерях с детства воспитать такие качества, как трудолюбие, чистоплотность, скромность. С детства прививал им, семейные ценности и высокие моральные качества. Родители очень любили своих детей и баловали их. Но баловали в рамках строгого воспитания. Многие обеспеченные семьи в Хунзахе не держали коров и не сажали картошку. Но Гамзат считал, что труд только облагораживает человека, а связь с природой делает его здоровее. Поэтому девочки с детства умели управляться с коровами и курами, и работали в огороде.

Девочкам никогда не позволяли излишества или расточительства. Несмотря на то, что семья была одной из богатых в районе, девочки одевались очень просто, и всегда донашивали одежду друг за другом.

Именно такое воспитание Гамзат считал залогом счастливой жизни и успеха на том и на этом свете.

Шамсият жила вдвоем с сестрой в большом двухэтажном красивом доме. У них был сад, за которым они сами ухаживали и в котором развели небольшой огород где выращивали зелень. Дом был обставлен красиво и изысканно. Деньгами девочек родители обеспечивали достаточно, но сестры одевались скромно и просто. Они никогда не гонялись за брэндами и даже не понимали как можно отдавать огромные деньги за обычное платье в бутике, когда ничуть не хуже по их мнению, а даже красивее можно купить на базаре.

Хотя... Разита жила в городе уже третий год, у нее появились модные подружки и следуя им девушка начала меняться. А вот Шамсият все еще оставалась простой и скромной девушкой. Именно поэтому Осману казалось, что она из простой, среднестатистической семьи, а значит ему вовсе не пара. Но он полюбил ее внешность, волосы, характер, ее улыбку, жесты, походку... и несмотря на то, что она девушка не его круга он не собирался отказываться от подарка судьбы которая называется любовь.

«Первый и самый главный шаг уже сделан, – Османа переполняли самые разные эмоции. – Я признался ей в любви. Она мне улыбнулась. А значит, я нравлюсь ей»

– Братик, ты сегодня странный какой то, – от Карима не удалось скрыть необычное состояние. – Не обкурился случайно?

– Аставпиру Ллах, как ты так можешь? – Осман был шокирован предположением брата.

– А что? Ты слишком веселый. А причины для веселья я не вижу.

– Это ты не видишь! А я вижу!

– Ну так скажи мне тоже, – не унимался Карим.

– Не скажу. Тебя это не развеселит.

– А ты расскажи. А развеселит или нет, я сам решу.

– Карим, отстань! Я же не лезу к тебе со всякими глупостями.

– Так значит вот как ты заговорил. А ничего, что я твой старший брат? – Карим сделал акцент на словах «старший брат», и в его голосе звучала обида.

– Ну прости! Прости меня. Я тебя уважаю и ценю. Но то, что сейчас со мной происходит тебя совсем не касается.

– Ты не понимаешь! Я ведь о тебе переживаю. Боюсь, что мой младший братишка травкой увлечется, а там и на иглу подсесть не далеко.

– Убереги Аллах! Брат, как ты так можешь! Конечно эта дрянь здесь не при чем. Ты же меня знаешь, я даже близко к такой дряни не подойду.

– Всем, в свое время так кажется. А попасться очень легко. Многим хватает один раз попробовать и потом вся жизнь превращается в дерьмо.

– Карим, ты меня пугаешь, – Осман не на шутку переволновался за брата. – Неужели ты в деле?

– Ты что, Осман! – Карим был крайне возмущен. – Я нет! Нет, конечно! Как ты можешь обо мне вообще подумать такое?

– А откуда тогда ты знаешь это все? Ты говоришь так, как будто ты уже наркоман со стажем.

– Я нет! Аллах уберет. Но я знаю таких. Я их знаю и видел.

– А отец знает, что у тебя друзья наркоманы?

– Стоп! Стоп! Зачем ты сейчас отца во все это впутываешь?

– Так отец в курсе или нет?

– Нет, конечно! Нет! Это не такие близкие друзья. И вообще, они не мои друзья. Просто знакомые парни. То, что я один раз их увидел хватило мне, что я никогда в жизни даже близко не подойду к этой дряни. А отцу не смей докладывать. Понял?

– Понял. Я верю тебе. А отцу в случае чего ты сам говори. Родители помогут. В любом случае. Кому еще мы нужны кроме родителей?

– Ладно-ладно. В конце концов я всегда так и делаю. А ты может скажешь причину своего такого хорошего настроения.

Осман покраснел, и это не осталось незамеченным для Карима.

– Не знаю, уместно ли. И вообще можно ли говорить о таком.

– Мы ведь братья, – Карим силой хлопнул Османа по плечу, – а брату можно говорить все и все уместно.

– Прости, брат, но я не готов. Не готов делиться даже с тобой.

– С тобой все ясно, – с сарказмом проговорил Карим, – значит дела амурные.

Осман ничего не ответил. Он только покраснел еще сильнее и смущенно улыбнулся.

– Смотри на него, покраснел как мальчишка. Значит я попал прямо в цель, – не унимался в своем сарказме Карим. – Интересно посмотреть на девушку которая растопила твое железное сердце. Ты покажешь мне ее братик. Правда?

– Почему это у меня сердце железное? – обиделся Осман.

– Но ведь ты такой правильный. У тебя все по шаблону, все как надо. И никаких увлечений девушками за тобой не наблюдалось.

– Ну я уж точно не такой соблазнитель как ты.

– Вот! Мне и интересно увидеть девушку, которая растопила твое ледяное сердце. Слушай, а папа хоть ее одобрит?

– При чем здесь папа?

– Так ведь папа должен все знать и все одобрять.

– А кто сказал, что я собрался на ней жениться?

– Так значит у тебя это несерьезно?

– Серьезно-несерьезно. Я пока не знаю.

– Ладно Ромео. Дело твое. А я могу дать тебе один, очень ценный совет: тебе надо сменить прикид, в таком виде ты вряд ли приличную девушку зацепишь.

– Как понимать? Вроде я стильно одеваюсь, – оглядел себя Осман. – Все мои вещи дорогие и качественные.

– Да. Все так. Но ты ходишь почти в одном и том же. Обнови гардероб. Желательно разнообразие. Чисто совет тебе как брату.

Карим хлопнул брата два раза по плечу и пошел по своим делам. Осман остался в раздумьях. Его заставили задуматься последние слова брата.

Глава 3

Шамсият прислонила голову к окну и печально наблюдала за пробегающим мимо зимним, серым и скучным пейзажем Махачкалы. Она ехала на маршрутке на занятия. В городе как раз начался утренний час пик и движение на дороге затруднялось из-за обилия машин. Стоял уже декабрь, а снега все еще не было. А Шамсият любила снег. Она привыкла к нему. Привыкла, что зима – это обязательно снег, и никак не иначе. А в Махачкале снега не было. Здесь был относительно теплый и мягкий климат. Девушка вспомнила, что в прошлом году тоже снег пошел только один раз, в канун нового года, и растаял через пару дней. «Наверно и в этом году будет так же», – с грустью размышляла девушка.

У Шамсият была одна нагоняющая на нее тоску и от того серьезно мешавшая ей в жизни черта характера: она очень сильно привязывалась к людям, местам, вещам, и если теряла объект своей привязанности очень долго тосковала, тяжело переносила утрату, с трудом привыкала к тому, что ей взамен предложила жизнь. А иногда и вовсе не принимала замену. Но к ее счастью привязанность возникала не сразу и не просто так. Чтобы она привязалась к чему либо должно было пройти много времени, и это что-то должно было принимать большое участие в ее жизни, – стать частью ее судьбы.

Вот и теперь, она скучала по Хунзаху, часто вспоминала его просторы и горные вершины, Хунзахские снегопады и долины покрытые сочной зеленой травой. Вспоминала свою кошку Нухи, корову, и лошадь, куры и цыплят. Она скучала по посиделкам с соседями, по сельским слухам, сплетням и разговорам. Соскучилась по односельчанам, простым сельским людям, по их добродушию и приветливости. Городские люди казались ей в сравнении с ними надменными, гордыми и даже злыми. Здесь было принято молча проходить по улицам и ни с кем не здороваясь, а в селе все знали друг друга и потому проходя всегда здоровались друг с другом. Даже если встречали по пути незнакомца, – здоровались. А здесь, в городе люди жили как-то отстранено, каждый был занят собой и своими делами и не было никакого дела до окружающих, даже до соседей. На их улице соседи очень редко ходили друг к другу в гости, даже не знали всех соседей по улице.

Разита уехала в город на год раньше Шамсият, и она сразу же освоилась, полюбила его. Ей очень понравилось здесь жить, она не хотела на каникулы приезжать в село. А вот Шамсият никак не могла привыкнуть, второй год жила здесь, а Махачкала оставалась для нее холодной, бездушной и от того неуютной. При любой возможности девушка ехала в село, и не хотела возвращаться. Каждый раз уезжая из Хунзаха тайком плакала.

Маршрутка ехала очень медленно, часто останавливалась, с трудом перебиралась по переполненной многочисленными машинами улице. Шамсият посмотрела время и начала нервничать:

«Вот и сегодня я опоздаю на первую пару. Но не потому, что поздно из дома вышла, а потому, что на дороге пробки. Выйду рано, – доезжаю слишком рано и час приходится болтаться по университету одна. Выхожу в нужное время, – попадаю в пробки и опаздываю. Четвертое опоздание уже в этом месяце, и именно на пару Мусы Магомедовича. Он наверно думает, что я совершенно непунктуальная и бессовестная девушка. Ой как стыдно! Наверно я лучше не зайду с опозданием, подожду до конца первой половины, а потом на перемене незаметно зайду и сяду на последнем ряду. Хорошо, что Муса Магомедович переключку проводит на второй половине».

Шамсият пришла в университет когда с начала первой пары уже прошло 15 минут. Ей было стыдно заходить с опозданием и она решила посидеть на скамейке во дворе.

Место на втором ряду было пусто. Осман опять смотрел в пустоту. Такое в жизни Османа происходило редко, но если происходило это его расстраивало. И он был расстроен: «Что

интересно произошло с Шамсият? А ведь я сегодня специально одел новую рубашку. Стильную. Как посоветовал Карим. Чтобы ей понравиться. И парфюм новый, дорогой сделал. Очень дорогой. И волосы уложил по-другому. Все это я сделал для нее, а ее нет». Настроение парня серьезно испортилось. А ведь он шел сюда в таком хорошем расположении духа.

И тут он вспомнил свой недавний разговор с Каримом: «Брат, ты не обкурился случайно? – Карим предположил, что я на игле. Мне кажется, он прав. Только называется эта игла не кокаин или героин, а Шамсият. А ведь правда, – поразился Осман своему открытию, – любовь дарит точно такие ощущения, какие приписывают наркотикам: тоже приподнятое настроение, и большая обида и разочарование если остался без очередной дозы... Да брат, ты прав. Я наркоман, и мой наркотик – любовь».

Прозвенел звонок, оповещая, что закончилась первая половина пары. Муса Магомедович снял очки, протер глаза, собрал свои бумаги, аккуратно поставил их на стол и вышел из аудитории. Кто-то последовал примеру профессора, но многие остались сидеть на своих местах, вытащили телефоны и продолжили свою виртуальную жизнь. Осман тоже вытащил свой айфон, и вертел его в руках, думая писать Шамсият или нет. Он открыл WhatsApp, зашел на ее страничку. Программа показала, что она минуту назад была «онлайн». На аватарке был цветок, взамен вчерашнему букету цветов. «Видимо она любит цветы», – пронеслось в голове парня. Осман часто заходил на страничку девушки в WhatsApp, е. Он смотрел картинки на ее аватарке, отслеживал время проводимое в сети. Смотрел статусы, хотя статусы девушка выкладывала редко. Осман в день по несколько раз заходил на страничку девушки, но писать не смел. Единственный раз когда он написал ей, было больше месяца назад, когда признался ей в любви. Ответа он так и не получил, и свое признание тоже удалил, – вдруг кто увидит.

Осман уже решил и набрал: «Привет! Почему ты сегодня не пришла». Прочитал еще раз и уже собирался отправить, как увидел, что Шамсият зашла в лекционный зал, и тихо, с опаской, словно перепуганная мышка идет на свое место. Но, на свое место на первом ряду она не пошла, она прошла весь лекционный зал и села на самый последний ряд. Подвинулась в самый угол. Осман понял, что она так хочет скрыть от Мусы Магомедовича свое отсутствие на первой половине.

Точно от ввода новой порции дозы настроение Османа поднялось, ему стало весело и светло на душе. Ощущение было такое словно в душе взойшло солнце и заиграла красивая мелодия. Жизнь снова стала счастливой и радость улыбнулось Осману. Он собрал свои вещи и пересел к Шамсият. Едва он успел сесть, как прозвенел звонок и в аудиторию вошел Муса Магомедович.

– Привет! – сказал он девушке и улыбнулся.

– Привет, – словно нехотя ответила она.

Шамсият было стыдно, грустно и неприятно, что она пришла с опозданием. Она быстро вытащила тетрадь и ручку, и села низко наклоняясь, сутулясь интуитивно, специально, чтобы Муса Магомедович не заметил ее присутствия, а значит, и отсутствия на первой половине.

Ее смутило то, что Осман пересел к ней. Стало страшно неуютно от его присутствия рядом. Шамсият стеснялась парней, боялась их. Она считала, что это результат того, что мама с детства, все время внушала ей и сестрам, что мальчишки – это плохо, нельзя им верить, общаться с ними тоже нельзя, что им от девушек нужно только одно: обмануть и обесчестить.

В селе все было намного строже чем в городе. Сельский образ жизни накладывал свой отпечаток на все области жизни людей. Очень строго общество в лице соседей и односельчан следило за моральным обликом девушек. Простая беседа юной девушки с парнем могла стать поводом для сплетен и слухов которые вовсе не восхваляли девушку, а наоборот ставили под большое сомнение ее честь и порядочность. Потом уже никому ничего не докажешь и рот никому не закроешь. Поэтому мамы и бабушки с самого детства зорко и дотошно следили за тем, чтобы их дочери никоим образом не спровоцировали эти опасные разговоры.

Может Шамсият была слишком впечатлительной, но все эти предостережения так напугали ее, что она боялась мальчиков, боялась их внимания. До класса восьмого она даже не разговаривала с ними, избегала любого контакта с мальчиками. Но в десятом классе, на примере своих одноклассниц, заметила, что не такие они страшные и опасные как говорит мама. Но все равно, девушка их сторонилась и боялась. Это был страх, который внушили ей с детства. Тем более, родительский контроль и опасения увеличились. Ведь теперь они с сестрой жили сами, в большом городе, где очень много плохих парней.

Когда девушка уезжала на учебу, отец сказал коротко и строго: «Услышу хоть что-то – убью». Шамсият содрогнулась при этих словах.

Все взяли ручки и приготовились писать. Только теперь Шамсият заметила, что не знает сколько пропускать места в тетради, чтобы переписать лекцию которую пропустила. «У кого бы спросить?» – пронеслось в голове. Рядом был только Осман. Она украдкой посмотрела на него. – Осман, сколько вы написали? Покажи пожалуйста.

Осман пододвинул свою тетрадь к девушке.

Шамсият была поражена красоте его подчёрка. Аккуратные, мелкие буквы. Красивая, изящная каллиграфия. Осман был вторым человеком, у которого она увидела такой красивый подчёрк. Первым был ее отец.

Любимая девушка впервые в жизни оказалась так близка к нему. До его обоняния доносился ее аромат. Это был какой-то особенный, ранее не знакомый Осману парфюм. Ему хотелось вдыхать его снова и снова. Он украдкой поглядывал на нее. На девушке была белая водолазка с наглухо закрытым воротом и юбка. Девушка подняла рукава, Осман уже давно был очарован изяществом рук девушки: но теперь у него была возможность разглядеть каждую родинку даже самую маленькую, каждый штрих, каждый изгиб и выпуклость на руках девушки.

Она заметила, слишком явный взгляд парня на себе и еще больше засмушалась, еще сильнее съежилась.

Шамсият привыкла сидеть впереди, и здесь на последнем ряду ей совсем не понравилось: слова профессора были плохо слышны и еле различимы, этому способствовал гул и шепот. «Как вообще можно сидеть здесь? Человек который действительно хочет учиться никогда не будет сидеть на последних рядах. А еще и Осман пересел ко мне. Больше никогда не сяду на последний ряд, даже если опоздаю».

Пересаживаясь к Шамсият Осман думал о том, что поговорит с ней, пообщается, ну хоть о чем-нибудь. Но ничего такого не получилось. Она сидела слишком напряженная, и даже смотреть на него не смела. Он понял, что девушка смущается его. Это поставило Османа в неудобное положение и еще больше усложнило ему задачу. Теперь, он совершенно не знал, как найти к девушке подход? Что ей сказать? А поговорить с ней, подружиться хотелось, очень хотелось. Впервые Осман был растерян, не знал, что делать, и не мог даже к папе обратиться за советом.

* * *

Шамсият чувствовала, что Абдулджалил запал ей в душу. Он нравился ей. Несмотря на то, что она сторонится парней и боится их Абдулджалил ей нравился. Он казался ей не таким как другие. Он был таким веселым, добрым, простым и хорошим, словно она знала его уже давно. Ей казалось, что ему она тоже нравится. Она не раз уже ловила на себе его взгляды. А танец?.. Тот танец никак не выходил у Шамсият из головы. Абдулджалил пригласил именно ее. Среди всех других девушек, он выбрал именно ее. И это не может быть просто так. Значит она ему нравится. Но, Абдулджалил не спешил признаваться ей. Осман вот уже признался в

любви, и всячески пытается привлечь к себе ее внимание. Девушке начало нравиться внимание парня и ей льстило, что у нее есть поклонник. Но это было вовсе не то, что было ей нужно. Ей нужно внимание и признание Абдулджалила.

Абдулджалил был простым, хорошим парнем из обычной семьи. Он жил с родителями и старшим братом. А самый старший его брат недавно женился, и жил самостоятельно на съемной квартире.

Семья Абдулджалила с самого его детства как он помнил жила в достатке ниже среднего. Отец работал водителем маршрутки. А мама прачкой в больнице. В детстве он с братьями по очереди после школы ходили помогать маме. А помощь маме была нужна всегда. В ее обязанности входило распределять больничное белье, стирать, развешивать, и гладить горы белья, а также больничных халатов и другой одежды. Больница была большая и потому работы было очень много. Сыновья ходили к маме на работу помогать, но все равно с работы она всегда возвращалась очень уставшей. Работа была сложная, утомительная, целый день приходилось стоять на ногах.

Абдулджалила, мама в садике отправила на кружок танцев. Уже тогда он проявил свои способности. В школе он продолжил занятия танцами, и в седьмом классе он учился танцевать уже профессионально. Когда парню исполнилось шестнадцать, его как одного из лучших танцоров включили в юношеский ансамбль лезгинки. Эта группа выступала на свадьбах, и принимала участие в разных конкурсах. В составе ансамбля Абдулджалил уже выступал в Дербенте, Астрахани, Грозном, Владикавказе, Петрозаводске, и если повезет планировалось летом съездить в Волгоград. Парень давно мечтал посетить этот город Воинской славы.

Парень был настоящей звездой лезгинки. Он обладал яркой, кавказской внешностью: высокий брюнет, густые черные волосы, волевой подбородок, «живые» веселые глаза. Танцевал он просто превосходно: в совершенстве владел техникой танца, искусно выполнял трюки и пластика напоминала настоящего горца: азартного, неугомонного, горячего как огонь и быстрого как ветер. Казалось Абдулджалил прирожденный танцор лезгинки, и все его хореографы пророчили ему карьеру великого танцора, а потом и хореографа.

Но сам парень относился к танцам как к хобби, как к увлечению и он не собирался связывать с ними свою жизнь, не собирался сделать их своей профессией и карьерой. Он считал танцы, и хореографию несерьезной профессией для мужчин. Это скорее женская профессия. А для себя хотел серьезную, стабильную профессию, с перспективами в будущем, которая позволит жить обеспеченно. Именно поэтому он выбрал экономический факультет ДГУ.

Помимо превосходной пластики и яркой внешности природа одарила Абдулджалила еще и хорошей памятью. Потому, он отлично учился, хоть и часто пропускал. Пропускал он только по необходимости, только если параллельно приходилось принимать участие в танцевальных конкурсах.

А на выходных он всегда был занят. Его группа почти все выходные выступала на свадьбах. Спрос именно на их группу был высокий, запись шла за месяцы вперед. Эти выступления приносила Абдулджалилу неплохой доход, которого хватало не только на карманные расходы, но и на подарки маме. Вот уже почти два года он не просил денег у родителей, он сам зарабатывал себе на одежду и на другие расходы.

Абдулджалил был настроен на карьеру в сфере экономики, желательно в банке. Он мечтал, когда-нибудь, к годам 40–45 стать президентом одного из ведущих банков России. Он понимал, что надеяться ему можно только на себя, на свои способности и природную харизму. У него не было влиятельных родственников, и у его родителей не было нужных связей. Без связей и влиятельных родственников пробиться было сложно, но Абдулджалил верил, что если честно стараться, учиться отлично и потом добросовестно работать, у него все получится.

* * *

Прозвенел звонок. Эльмира Мирзабеговна закрыла журнал, попрощалась с ребятами и собиралась покинуть кабинет. Но вдруг остановилась, словно вспомнив что-то.

– Гайдаров Абдулджалил, чуть не забыла сказать. Декан просил, чтобы ты после этой пары зашел к нему.

– А зачем он меня вызывает? Не знаете?

– Нет! Этого не знаю. Но просил передать, чтобы обязательно явился.

«К декану... зачем? Абдулджалил, что ты натворил?..» – по аудитории пошел гул. Так сложилось, что в деканат вызывали только в связи с какими-то нарушениями, и если вызывают – это всегда считалось плохо.

Парень оробел. Попытался вспомнить все свои проделки, за которые его могли бы вызывать в деканат: но... ничего существенного на ум не приходило. Учился на отлично, поведение тоже прилежное, – он с юности заботился о репутации, в плохих компаниях не светился, с хулиганами не водился. Правда пропускает занятия иногда, но всегда ставит деканат в известность и приносит справки. Абдулджалил так и не нашел в себе причины по которой его могли вызывать, но поплел в сторону деканата как кролик к удаву.

Дверь была открыта, в очереди никого не было. Абдулджалил еле слышно постучался:

– Муса Джамалович, можно?

– Да, Гайдаров. Заходи.

Парень робко вошел в кабинет, и встал у двери в ожидании экзекуции.

– Гайдаров, – Муса Джамалович пристально посмотрел на парня, – мне тебя порекомендовали как отличного танцора. Не хотел бы ты стать участником нашего университетского ансамбля?

Услышав свой «приговор» Абдулджалил повеселел, улыбнулся и вздохнул с облегчением.

– Вряд ли Муса Джамалович. Я бы очень хотел. Но я слишком занят. По выходным выступления на свадьбах. Частые репетиции. Занятия приходится пропускать, учеба тяжелая, – у меня совсем нет свободного времени.

– Понимаю. Но все же подумай. Ты можешь значительно повысить качество родного, вузовского ансамбля. Участие в нем не потребует от тебя много времени. Ты ведь и так хорошо танцуешь. Репетиции тебе почти не нужны будут.

– Я профессионально танцую лезгинку.

– Ну вот. Нам в ансамбле нужны ребята которые красиво, захватывающе танцуют. Мне сказали, при чем сказал человек который сам лично видел, что ты танцуешь как настоящий горец: с азартом, с огнем, – декан сжал руку в кулак и подергал, в знак восхищения. – У нас уже есть группа, но мы хотим что-то по-настоящему яркое. И мне предложили тебя.

– Спасибо, – смущенно покраснев улыбнулся Абдулджалил. Парень был счастлив услышать столь громкие слова от декана, – но не уверен, что я заслуживаю столько хвалебных слов.

– Если мне так сказали, значит так и есть. А ты подумай над моим предложением.

– Хорошо Муса Джамалович. Я подумаю.

– Завтра жду тебя с ответом.

– Хорошо!

Абдулджалил вернулся из деканата озадаченным. Войдя в аудиторию он почувствовал на себе взгляды одноклассников в которых были немые вопросы. Он молча прошел и сел на свое место. Вид у Абдулджалила был растерянный, но довольный.

Первым с вопросом обратился Шамиль который сидел рядом.

– Ну что, брат, что там? Серьезное что-то?

- В университетский ансамбль меня приглашают. Танцевать.
- Это же не плохо. А ты что решил?
- Хочу. Но времени нет. Учеба и так отнимает все силы. Сил и времени на свой ансамбль и так еле остаются. Куда еще и здесь.
- Ну так и скажи.
- А я бы хотел участвовать. Это же престижно.
- Это да. Ну ты реши. Сможешь ты или нет, – Шамиль оглянул аудиторию. – Мы все переживали за тебя, боялись, что у тебя проблемы.

* * *

Весь прошлый год Шамсият ощущала себя чужой в университете, в своей группе. Девушки жили веселой, интересной, насыщенной жизнью: кафе, кино, магазины... Они Шамсият тоже с собой звали, но ей это все было настолько непривычно, что она отказывалась. И тогда ее просто перестали звать. Она казалась одиозной белой вороной, которая непонятно как «залетела» к ним. Шамсият была такой робкой и неуверенной в себе. Вначале даже были попытки подколоть ее, но она показала, что в обиду себя она не даст. Вскоре стало ясно, что девушка учится отлично, лучше всех, – по результатам уже первого семестра у нее был самый высокий бал в их группе.

Абдулджалил обратил на девушку внимание в первый же месяц их знакомства. Он лично подошел к ней знакомиться, даже садился пару раз с ней на лекциях. Звонил спрашивать задания на дом, но поняв, что девушка его сторонится и стесняется, решил больше ее пока не тревожить.

Сам Абдулджалил уже давно перестал девчонок стесняться, еще в шестом классе. Его всегда и везде окружали девчонки, в танцах у него всегда была своя партнерша, и он привык с девушками не церемониться, дружить и общаться спокойно: без стеснения и робости. Но если девушка ему нравилась, нравилась не как просто друг, а как девушка, ему было сложно ей в этом признаться. Очень сложно, почти невозможно. Была в его жизни однажды уже такая история. В восьмом классе ему понравилась девушка которая тоже приходила на танцы. Танцевала она очень красиво, иногда ее и с Абдулджалилом ставили в пару. Она стала его первой любовью. И имя у нее было просто волшебное – Лейла. Но Абдулджалил так и не смог девушке признаться в своих чувствах. Два года они регулярно виделись на танцах, иногда танцевали в паре, общались... Абдулджалил ее даже до дома провожал пару раз, но так и не признался ей в любви. А потом просто не успел. Вдруг девушка просто перестала ходить на танцы. Абдулджалил ждал ее и так и не дождавшись попросил у ее подруги под каким то предлогом трубку, нашел там ее номер и запомнил. Набрал к ней. Телефон не отвечал. Тогда спросил у той же подруги где она. Та ответила, что девушка уехала с родителями, вероятно и номер поменяла. Страдал Абдулджалил не долго, вскоре чувства к девушке покинули его, оставив на память лишь воспоминания о первой любви и первых чувствах. Он жалел только о том, что так и не признался ей.

А теперь в университете к нему опять пришла любовь. Но опять он не мог признаться девушке. Вроде он уже не тот робкий мальчишка который был в школе. Но теперь, девушка была совсем уж робка и неразговорчива. Он даже пытался «выбросить» ее из головы, пообщаться с другими девушками, но его все равно тянуло к Шамсият. Он часто смотрел на нее, думал о ней, и представлял как было бы хорошо если в танце его партнершей была она.

* * *

– Я видела, танец Абдулджалила. Танцует он просто великолепно. Надо, чтобы он обязательно согласился.

– А где это вы видели его танец, Алина? – спросил Муса Джамалович.

Алина Рамазановна была замдекана по воспитательной работе факультета культуры и по совместительству художественным руководителем ДГУ. Энергичная, веселая, жизнерадостная, она в свое время принимала самое активное участие в университетском КВН. Будучи студенткой хореографического факультета она выступала в КВН, тогда же начала писать сценарии для него. Когда окончила университет ей предложили работу там же. Она с радостью согласилась, и вот теперь спустя 17 лет «доросла» до должности замдекана. Все говорили, что Алина Рамазановна имеет нюх на талантливых людей. Она и сама это знала. Ей даже не надо было видеть человека в действии, если перед ней талантливый человек, она с первого взгляда улавливала это, а также область его таланта, силу и яркость.

– На свадьбе двоюродного брата. Я сразу обратила внимание на одного из танцоров. Его танец мне особенно понравился. И оказалось не только мне. Потом его встретила у нас в университете. Так я узнала, что наш Абдулджалил великий танцор.

– Сомневаюсь, что он согласится. У парня действительно очень напряженный график.

– Ну сделайте же что-нибудь, Муса Джамалович! Придумайте что-нибудь.

– Ну что я могу придумать? Не могу же я его заставлять. Если завтра он придет и скажет: «Нет!», я ничего не смогу изменить. Может, сами с ним поговорите?

– Вы сейчас не о Гайдарове говорите? Со второго курса, – в разговор вмешалась молчавшая до сих пор преподаватель Бухгалтерского учета и анализа, Индира Азизовна.

– Да! О нем самом, – отозвался Муса Джамалович.

– Кажется, я знаю как заинтересовать его, – заинтриговала всех Индира Азизовна выглядывая из-за монитора.

– Говори скорее, – оживилась Алина Рамазановна.

– Есть у меня одна идея. Если она сработает ты должна мне чай с тортом организовать.

– Организую. С чем угодно организую. Говори скорее.

– Я веду у ребят свой предмет, и заметила, что Абдулджалилу нравится Сулейманова Шамсият. Предложите ей тоже участие, я уверена Абдулджалил согласится.

– А она умеет танцевать?

– Не знаю. Вот это уже сама выясняй. Но... если моя идея сработает с тебя чай.

Прозвенел звонок. Индира Азизовна собралась и пошла на пару.

– А ведь это неплохая идея. Как вы думаете, Муса Джамалович?

– Думая в вашем деле все способы хороши. Так что дерзай Алина!

«Идея, конечно, неплохая, но что если эта девушка совсем не умеет танцевать или тоже не захочет? Ладно! Надо лично поговорить с ней. Это первый раз, что мы набираем в ансамбль участников с других факультетов. Может, даже это окажется лишним.

– Зачем тебя вызывают к художественному руководителю? – казалось больше подруги переживала Зарема.

– Не знаю. Али сказал, что Алина Рамазановна хочет, чтобы я к ней подошла.

При имени Али Зарема стало весело на душе, и она улыбнулась. Ей давно нравился Али, и парень тоже оказывал ей знаки внимания, казалось, он тоже не безразличен к ней. Веселый, энергичный, ответственный, спортсмен и просто хороший парень, Али был старостой их группы.

Шамсият постучала и, не дожидаясь ответа, вошла в кабинет художественного руководителя:

– Извините! Мне сказали, что Вы просили меня подойти к Вам.

– Вы Сулейманова Шамсият?

– Да.

– Шамсият, значит такое дело... – Алина Рамазановна быстро пробежалась по внешним данным девушки. Она за пару секунд, при первой встрече умела вычислять творческий потенциал человека, и ни разу за годы своей работы не ошибалась, – вы умеете танцевать лезгинку?

– Я? Я с первого класса хожу на лезгинку, и танцую неплохо... – девушка заметила пристальный взгляд руководителя на себе и решила, что хвалить себя нехорошо. – Ну, говорят, что неплохо.

– Прекрасно! Мы сейчас хотим включить в университетский ансамбль, участников с других факультетов. Как думаешь, ты справишься?

– Не знаю.

– Если мы пригласим тебя принять участие, ты примешь это предложение?

– Наверно приму, – девушку взволновало это неожиданное предложение. – Да, приму.

Но, сначала надо у родителей спросить. Думаю, они будут не против.

– Прекрасно! Мы будем рассматривать тебя как претендента. Возможно мы пригласим тебя. Ты спроси у родителей и будь готова.

– Хорошо! Спасибо вам большое.

Из кабинета Шамсият вышла с «сияющей» улыбкой на лице.

– Ну что, что там? – видя радость на лице подружки Зареме еще больше не терпелось узнать в чем дело.

– Меня пригласили в университетский ансамбль, – Шамсият запрыгала от радости.

– Куда? – переспросила Зарема не совсем понимая суть услышанных слов.

– Еще не пригласили, но хотят пригласить, – радости в этих словах уже было меньше, но все равно сердце девушки было переполнено счастьем.

Абдулджалил весь оставшийся день, вечер, и даже ночь думал о предложении которое ему поступило от художественного руководителя ДГУ. Университетский ансамбль – это, конечно, хорошо, и участие в нем могло принести парню дополнительные бонусы перед глазами руководства университета, но все же, он понимал, что у него совсем нет времени. Ведь, репетиции будут отнимать много времени. Он хотел согласиться... но все же благоразумно решил отказаться. Абдулджалил понимал, что декан ждет от него положительный ответ: «Но ничего, в университете много талантливых ребят. Найдут другого».

Только приняв это решение Абдулджалил уснул. Перед тем как уснуть он взял трубку, чтобы посмотреть время. На экране смартфона высвечивалось – 02:46.

Алина Рамазановна, с утра как пришла на работу первым делом направилась в деканат экономического факультета. Муса Джамалович был на работе. Мужчина уже долгие годы оставался верен своей привычке приходить на работу раньше всех.

– Доброе утро Муса Джамалович!

– Доброе утро!

– Я к Вам в такую рань по очень важному делу. Помните, Вы предполагаете, что Абдулджалил со второго курса откажется от участия в ансамбле.

– Ну да. Я почти уверен в этом.

– Так вот, у меня к Вам такая просьба, – Алина Рамазановна улыбнулась, – намекните парню, если он откажется, ну так между делом, что Шамсият тоже будет участвовать в этом танце.

– Вы уверены, что это сработает?

- Не знаю. Но узнаем. Мы должны попробовать.
Муса Джамалович сел в свое кресло и улыбнулся:
– Эх! Молодость! Молодость! Отдал бы многое, лишь бы ты вернулось.

Абдулджалил все не хотел идти в деканат. После третьей пары он решил, что оттягивать больше некуда, и набравшись смелости направился к черной массивной двери за которой было настоящее царство во главе которого в кожаном кресле восседал Муса Джамалович.

– Муса Джамалович. Я очень много думал над Вашим предложением, но все же, я не смогу принимать участие в выступлениях.

– Жаль! Очень жаль! А вот студентка твоего курса приняла наше предложение. – прищурился Муса Джамалович. – Шамсият кажется. Да Сулейманова Шамсият.

При имени «Шамсият», Абдулджалилу показалось, что вокруг вдруг стало светло, солнце за окном засияло ярче, кабинет Мусы Джамаловича стал просторнее, и сам декан стал добрее и веселее.

– Что? Вы сказали Шамсият будет участвовать?

– Да, – мужчина старался казаться как можно спокойнее и безразличнее, в то время как в душе его распирало любопытство, – Сулейманова согласна. Ну ничего, мы на ваше место найдем кого-нибудь.

– Нет! Подождите! Я наверное согласен. Я согласен!

– Что ж, очень рад! – все с тем же спокойствием сказал декан. – Передам Алине Рамазановне, что вы согласны.

Абдулджалил поспешно вышел из кабинета: «Значит Шамсият тоже будет танцевать, значит она тоже там будет, какое счастье», – парня распирало от радости. Казалось, сейчас вырастут крылья и он взлетит.

Муса Джамалович подошел к окну, настроение у него было превосходным. Мужчина улыбнулся самому себе: «Эх! Молодость, молодость! Есть ли в этой жизни, что-то прекраснее тебя?»

Глава 4

Шамсият и Зарема уже почти год были подружками «не разлей вода»

В прошлом году, в начале учебы, ребята первокурсники начали знакомиться друг с другом, узнавать. Потихоньку сложились свои компании и круг общения, ребята и девушки находили себе друзей исходя из интересов и взглядов на жизнь.

В одно осеннее утро Шамсият села в маршрутку. Ее сзади кто-то окликнул. Повернувшись на клик она увидела свою одногруппницу Зарему Место рядом с девушкой было свободно, и Шамсият пересела туда.

– Привет Зарема!

– Привет! Ты здесь живешь?

– Да. А ты где?

– Мне еще две остановки дольше тебя. Я и раньше пару раз видела тебя на твоей остановке, но маршрутка тебе не остановила.

В тот день девушки после занятий вместе вышли из университета и вместе сели на маршрутку.

– Хорошо, что мы встретились. Теперь всегда вместе будем ездить домой, а то так скучно было одной, – Шамсият улыбалась, ей очень понравилась Зарема.

– Я тоже рада, что мы вместе будем ездить. Не люблю одной, и так непривычно, – Зареме очень хотелось подружиться с девушкой.

– А ты городская или приезжая?

– Городская. А ты?

– Приезжая.

– И с кем ты живешь?

– С сестрой.

– Сами с сестрой? – Зарема была удивлена такому факту.

– Да сами. А что такого?

– Ничего! Просто, круто. Я бы хотела так жить.

– А ты с кем живешь?

– Я с родителями, с братьями, – Зарема вдруг погрузилась. – У меня такой тотальный контроль дома. Вот хотела бы я жить как ты. Сами. Делай что хочешь, иди куда хочешь.

– А ты думаешь у нас нет контроля? Родители утром и вечером звонят, все время нас предостерегают.

– Ну это совсем не то. У меня вот мама, все контролирует: во что одеваюсь, во сколько с занятий прихожу, с кем дружу... – Зарема пристально посмотрела на Шамсият. – А вот ты, приличная девушка? – между девушками затянулась небольшая пауза. – Ну... из приличной семьи?

– Думаю да. А это так важно?

– Очень.

– А что так?

– Мне это вовсе не важно, – Зарема вдруг поняла, что может обидеть девушку, – это моей маме нужно. Понимаешь? Она с детства следит с кем я дружу, из какой семьи девушки, кто их родители. Она с детства все контролирует.

Шамсият стало смешно. Она улыбнулась.

– А ты сейчас хочешь узнать приличная ли я девушка?

– Понимаешь, если мы с тобой подружимся, – Зарема взяла девушку за руку, – а я очень хочу с тобой дружить. Моя мама пригласит тебя к нам домой, и устроит такой допрос: она захочет узнать о тебе все. Еще и справки наведет. И только потом разрешит мне с тобой дру-

жить, – Зареме стало грустно, ее глаза наполнились слезами. – Прости! Прости! Так, конечно, нельзя. Но моя мама так делает. Мне даже не разрешают дружить с тем, с кем я хочу.

– Не переживай, – Шамсият попыталась ободрить девушку, – твоя мама просто очень сильно боится за тебя. Мои родители почти такие же. Мама говорит, что сейчас такое тяжелое время: и очень много соблазнов для молодых девушек, которые могут испортить им жизнь. Я твою маму понимаю, не просто так же говорят: скажи кто твой друг и я скажу кто ты.

* * *

Через месяц Шамсият была приглашена домой. Зарема жила в огромном, красивом доме, с большим двором и садом. Девушке очень понравился их дом и обстановка в доме. Зарема представила девушку маме как свою новую подружку и ее сразу же пригласили на кухню пить чай.

Мама Заремы, красивая ухоженная женщина, в легком домашнем платье, казалась Шамсият приветливой и доброй, но со слов Заремы она знала, что ее мама очень требовательная и строгая, поэтому чувствовала себя скованно и неудобно в ее присутствии.

– Я очень рада, что моя Зарема подружилась, с кем то, – первая нарушила молчание Ханика, так звали мать девушки.

При этих словах Шамсият чуть поперхнулась чаем, ей показалось, что сейчас ей устроят допрос с пристрастием, как ее предупреждала Зарема.

Шамсият была уверена в себе. Девушка знала, что понравится маме подружки. Ведь она из очень уважаемой и интеллигентной семьи. Но все же, чувствовала себя неудобно: городские жители, они ведь другие, они более культурные, у них свой особый этикет. А в селе все просто. И люди там намного проще. Вот городские жители даже воду покупают. А в селе никому даже в голову такое не приходит: пьют обычную водопроводную воду. И все нормально. Шамсият посмотрела на огромный кулер в углу на кухне, – «городские любят усложнять себе жизнь».

– У вас, очень красивый дом!

– О!.. Ты еще не видела наш сад, давайте попьем чай и прогуляемся по саду, – Ханика тоже чувствовала себя неловко при госте.

– Я люблю сад, – Шамсият интуитивно повернулась к окну, словно желая подтвердить свои слова. – Торт вы сами испекли? Очень вкусный? – Девушке было неловко, но она пыталась из-за всех сил поддержать беседу и казаться воспитанной и вежливой.

– Нет. Я редко пеку торты. Сейчас столько выпечек и они пекут так вкусно и разнообразно. Дома все равно так не получается.

– Да. Вы правы.

– У меня и времени нет. Я ведь работаю.

– Зарема рассказывала, что вы врач эстетической медицины.

– Да. Шамсият, мне Зарема рассказала, что вы с сестрой живете одни. Неужели это правда? Как ваши родители вас так оставили?

– Родители доверяют нам. И мы ничего не боимся. Чего нам бояться? Дом на сигнализации. На окнах решетки. Огромный забор и массивные ворота. И дома у нас ничего ценного нет. Папа даже мебель купил самую простую. Чтобы лишний раз никого не соблазнять.

– Это хорошо, конечно. Но все же... сейчас такое опасное время. А вы с сестрой такие юные девушки. Одни в городе. Это ведь опасно.

– А что делать? Наши родители живут в Хунзахе. Переехать сюда они не могут. А для папы, дать образование нам, очень важно. Мы то и в общежитии могли бы жить, но папа решил, что в своем доме нам будет лучше. Мы не одни. На нашей улице живет тетя. Папа специально искал дом рядом с кем-то из родственников. Она за нами присматривает. У нас здесь много родственников. Они тоже навещают нас и присматривают.

– Это хорошо и продуманно, что родная тетя рядом. Твой папа прав. Сейчас образование самое главное. А твои родители, чем занимаются?

– Папа глава администрации района. А мама, учительница по биологии. В школе работает.

– Так твой папа глава администрации Хунзахского района?

«Интересно почему дочь мне об этом не говорила», – задумалась Ханика.

– Да, – с особой гордостью сказала Шамсият. Она очень любила своего папу и гордилась им.

– Подожди! Наверно мой муж его знает. В прошлом году он по работе был в Хунзахском районе. Лично у главы дома был. Он рассказывал, что у вас очень красивый район. Ваша природа его просто очаровала.

– Да, – тоскливо произнесла девушка. У нас там очень красиво. И я скучаю.

Ханика заметила, что девушка погрузилась.

– Не грусти. Поедешь туда летом, на каникулах, – тоска по родному краю и отчужденности в котором ты выросла, в глазах Ханики стало еще одним бонусом в пользу девушки. – Зарема, принеси конфеты которые нам тетя отправила.

Зарема подошла к шкафу и начала долго в нем копаться. Наконец, принесла маленькую изящную коробочку перевязанную бантиком. Открыла и положила на стол. В нем оказалось три конфеты, очень красивые – розовые.

– Моя сестра на прошлой неделе ездила в Дубай с мужем. Она принесла. Попробуй. Они очень вкусные. И не грусти.

Шамсият взяла одну конфетку и отправила в рот. Она улыбнулась.

– Ну вот, молодец! А теперь идемте девочки в сад.

– Мама, хочет похвастаться тебе своими цветами, – подмигнула Зарема подружке.

Сад был огражден витым забором, Шамсият поразились его замысловатому узору.

– Такой интересный узор, – рука сама тянулась пройти по тонким железным прутьям. – Кто его выбрал?

– О! Эта я, – в голосе Ханики чувствовалась гордость, Амирпаша, – дизайнер, предложил мне много различных вариантов, а я выбрала именно этот.

Проходя через маленькую калитку Ханика с дочерью и их гостя оказались в царстве осени. Здесь везде хозяйничала осень. Опавшие листья золотым ковром лежали на земле. Деревья различных плодовых культур стояли одетые в листву на половину.

Сад как и дом был внушительных размеров, и деревьев здесь было много: все разных культур.

– Наверно у вас в саду растет все! Столько деревьев и все разные.

– Насчет всего, конечно, ты преувеличила, но... многое растет. Вот приходи к нам летом и наш сад предложит тебе очень много угощений.

Под высоким вишневым деревом была расположена беседка. Она была сделана из такого же узора железных прутьев, что и забор – ограждение.

– Вот здесь мы частенько летом, да и всегда когда не очень холодно пьем чай.

– Представляю как здесь красиво весной, когда вишня цветет, – Шамсият представила как должно быть хорошо посидеть в беседке под цветущей вишней.

– А запах, просто великолепный.

В углу сада Шамсият заметила высокое тонкое дерево почти без листьев, но зато на нем ярко оранжевыми мячиками висели спелые фрукты.

– Какая красота! – восхитилась Шамсият. – Они спелые?

– Должны быть. Но мы срываем их с дерева непосредственно перед тем как покушать. Зарема, иди принеси тарелку, сорвем для Шамсият пару штук.

– Ой спасибо большое! Но не стоит.

– Конечно стоит. Что за разговоры? Ты наша гостья, и я так рада, что моя Зарема наконец – то нашла себе приличную подругу.

От словосочетания «приличная подруга», Шамсият съежилась, она осмотрела себя: вроде нормально выглядит.

Матери Зарема, девушка понравилась.

Месяц декабрь для студентов «горячая» пора. Сессия на «носу», у всех вокруг предновогоднее настроение, весь город, вся страна готовится встречать Новый год, а ты должен готовиться к экзаменам: зубрить, писать, заучивать... Абдулджалилу кроме подготовки к сессии надо было еще готовиться к выступлениям своего ансамбля, а еще и к предновогоднему выступлению в университетском КВН. Участие в университетском ансамбле, как и обещалось не отнимало у него много времени: ему было необходимо только принимать участие в танце, а там все движения он и так знал. Парню было достаточно одной репетиции, но он старался не пропускать их, так как там была Шамсият. Абдулджалил ходил туда только, чтобы увидеть девушку, смотреть на нее в танце. Во всем этом зале, среди всех этих девушек и ребят ему казалось, что он видит только ее. Когда она поднимала руки и шла в танце, словно не ножками вступая, а плавно паря в воздухе парню чудилось, что он в раю и видит райскую гурию. Стоило девушке улыбнуться, «земля уходила из-под ног». А улыбалась девушка ему часто, так как видела, что он смотрит на нее, и он запал ей в сердце.

К Шамсият пришла первая любовь. И казалось, ее чувства взаимны. Все было волшебным, чудесно. Жизнь была прекрасна. Счастье переполняло девушку.

Шамсият привыкшая одеваться скромно и просто вдруг решила, что ей надо сменить гардероб, купить красивой, модной одежды. А также надо сменить имидж, начинать краситься и вообще украшать себя.

В университете не было определенных требований к одежде или к внешнему виду, лишь бы студенты не выглядели слишком вульгарно. Студенты этим активно пользовались, особенно девушки: одевались очень модно и красиво.

Шамсият раньше не придавала особого значения одежде, предпочитая то, что просто удобно, но теперь, в ней просыпалась настоящая кокетка и модница. Девушке хотелось быть самой красивой для Абдулджалила, чтобы он видел, что она здесь не только самая умная, но и самая красивая.

– Зарема, идем сегодня после занятий на базар, – постукивала карандашом по листку бумаги Шамсият, на котором она уже успела нарисовать эскиз того, как она хочет выглядеть. – Я хочу купить что-нибудь.

– А что ты хочешь взять? – от ее подруги такие предложения поступали крайне редко.

– Платье новое и кофту. Вот как здесь, – девушка пододвинула свой набросок.

– Вав! Рисуешь неплохо, – набросок и правду был хорошо выполнен.

– Представила себя в этом и нарисовала. Ну так что: когда пойдем на базар?

– Какой базар? Там разве можно купить нормальные вещи? Я отведу тебя в самые лучшие бутики женской одежды в Махачкале. Я сама всегда только у них беру. Там всегда качественные и красивые вещи, и скидки хорошие.

– Ладно, пошли в бутики, – Шамсият сейчас совсем не хотелось возражать.

– Я давно хотела тебя спросить: почему ты брюки не носишь? Запрещают тебе?

– Нет. Я сама не привыкла. У нас в Хунзахе их не одевают.

– Ты уже не в Хунзахе. Это хорошо, что тебе разрешают, а то я думала, что не разрешают, – Зарема оценивающе посмотрела на подругу. – У тебя отличная фигура, давай купим тебе джинсы.

– Ой, не знаю. Я их никогда не носила. Только в детстве. Как я в них буду?

– Отлично! Тебе подойдут. Так, что сегодня берем джинсы. И никаких отговорок не приму.

– А если мне не понравится?

– Понравится. Не переживай. Я тебе обещаю. Обязательно понравятся.

После занятий девушки отправились на 26, известном своими торговыми центрами. Зайдя в несколько бутиков Шамсият была поражена высоким ценам.

– А что ты хотела? – выражала недовольство Зарема, – это тебе не какая-то дешевая подделка. А за красивую и действительно качественную вещь и платить надо соответственно.

– Но... это слишком дорого, – Шамсият попала в неудобную ситуацию и ей было неприятно.

– А что, у тебя нет денег? – бросила вызов Зарема, – Ты же дочь главы Администрации, живешь в шикарном доме, родители тебе ни в чем не отказывают.

– Дело не в этом, Зарема, – девушке было неудобно говорить перед продавщицей и она предложила выйти.

– Деньги есть, – продолжила девушка уже на улице, – но я не вижу смысла отдавать в три раза больше, когда можно взять намного дешевле.

– Но тогда эта будет уже не та вещь.

– Ну и что? Я не вижу особой разницы между одеждой из этих твоих дорогущих бутиков и обычного базара.

– Это ты не видишь, а нормальные девушки видят, – Зарема с сарказмом улыбнулась. – Прости, не хотела говорить, но в университете все время идут разговоры о том, что ты слишком просто и бедно одеваешься. Там даже не верят, что ты дочь состоятельных родителей и живешь в огромном доме.

Шамсият слышала про эти разговоры, но не обращала внимания. Ей прямо никто ничего не говорил. Но теперь, услышав об этом от подруги она расстроилась, ее это оскорбило. Девушки поссорились и так ничего и не купив вернулись домой.

Сестры дома не было. Шамсият переоделась, выпила чай, а мысли все время вертелись вокруг слов которые сказала Зарема: «Неужели так важно отдавать большие деньги за одежду, когда почти такую же можно приобрести за более скромную сумму? И зачем нужна качественная, ноская одежда, если я ее и так долго носить не собираюсь? Поношу максимум год, а потом просто выкину, донашивать никто не будет, – не те времена. И почему так важен брэнд? Что он дает? Что за странные стереотипы?»

Девушке было жаль, что они поссорились с подругой. Но все эти стереотипы о которых она живя в селе не знала ее удивляли и озадачивали. Она металась по дому, ей хотелось поговорить с кем то, но Разиты не было. Шамсият решила пойти к тете.

Тетя жила на одной улице через пару домов от девушек. Одев дутик благо была зима Шамсият вышла на улицу. Стояла ночь, но на улице было светло, у каждого дома горели уличные фонари. Сосед только приехал с работы, жена вышла встречать его и открывала ворота. Девушка поздоровалась с ними.

Было холодно, так холодно, что при выдохе виднелся пар. Но снега еще не было: «Так холодно, наверно снег пойдет», – пар выдыхаемый вместе с воздухом отвлек девушку от ее проблем.

Шамсият позвонила в домофон. Ответа не было. «Может тетя не дома, а я зря пришла. Надо было сначала позвонить», – Шамсият полезла в карман за телефоном, но вдруг раздался щелчок, который означивал, что дверь открыта и девушка может войти. Она знала код от домофона, но никогда не заходила сама используя его. Миновав огромные железные ворота перед Шамсият открылся двухэтажный дом с облицовкой цвета персика. Он был намного

больше чем их дом. Девушка обратила внимание, что машина дяди Мансура во дворе, а значит – он дома.

Тетя сразу заметила потерянный, бледный вид племянницы и это ее напугало. Она пригласила девушку на кухню, налила чай и села рядом отложив мытые посуды которым занималась до прихода девушки.

– Случилось что-то? Ты кажешься такой взволнованной.

На кухне было уютно, и как всегда пахло чем-то печеным.

– Тетя Хадижат, вот ты живешь в Махачкале уже давно... скажите мне: я одеваюсь слишком плохо и дешево по городским меркам?

– Нет. Ты одеваешься нормально. А в чем дело?

– Мне сегодня подруга сказала, что в университете все обсуждают мою одежду.

– Милая, – тетя облегченно вздохнула, – запомни, если тебя обсуждают, значит ты интересная и яркая личность. И не так важно, кто-что говорит насчет твоей одежды, главное, что тебе удобно в ней.

– Правда?

– Конечно правда. Сейчас такое время, что люди одевают кто-что хочет: кто-то хиджаб, кто-то открытые топики и мини-юбки... Сейчас такая свобода в одежде, что рядом идут две девушки, одна в деловом костюме на западный манер, а другая в длинном широком платье – на восточный. И это абсолютно нормально.

– А мне сказали, что моя одежда слишком дешевая и простая.

– А что в этом плохого, если тебе в ней удобно? Если твоя одежда не грязная и не порванная, какая разница, сколько она стоит?

Тетя Хадижат хоть была уже немолодая, 43 года, но оставалась модной, красивой и ухоженной женщиной. Шамсият успокоили ее слова, она ей верила и доверяла. Со спокойной душой девушка пришла домой и решила, что она на правильном пути: не стоит покупать дорогую одежду, если кроме дороговизны больше ничем существенным не отличается от более дешевой. А вот то, что дорогая одежда может послужить намного дольше, не было аргументом для девушки, так как она и так не планировала долго носить вещь, а дарить было некому, поношенную никто уже одевать не будет. Вот Айшат, уже требует у родителей новую, отказывается доншивать за сестрами.

Придя домой оказалось, что Разита уже пришла.

– Ты где так поздно ходишь? – «набросилась» та на сестру. – Вот собиралась к тебе звонить.

– К тете Хадижат ходила, а что?

– Ничего. Просто я испугалась, когда тебя дома не нашла. Ты же обычно звонишь и предупреждаешь если задерживаешься где-то.

Разита еще не успела переодеться и Шамсият обратила внимание на то, что сестра в джинсах. Разита давно уже одевала джинсы, и они ей очень шли. Шамсият залюбовалась на нее и решила, что завтра же пойдет и купит себе: «пора мне тоже переходить на джинсы»

У сестер был режим, и Шамсият редко его нарушала, и даже если нарушала то только по действительно уважительным причинам. Уже второй час как девушка легла в постель, но не спалось. Она ворочалась с бока на бок, пыталась уснуть, но сон не шел. Взяла телефон и открыла WhatsApp, зашла на страничку Заремы. Она тоже была онлайн. Шамсият была очень расстроена размолвкой с подругой. Ей хотелось написать Зареме, но гордость не позволила: «Разве я виновата в нашей ссоре? Я имею права покупать то, что я хочу и где хочу, а Зарема хотела навязать мне свое мнение. Никому не позволю так со мной поступать». Девушка закрыла WhatsApp, попыталась заснуть, но не получилось. Тогда она спустилась на кухню, налила чай и решила почитать. Открыла в телефоне книгу которую уже месяц как читала, но его сюжет не воспринимался, мысли были совсем о другом: о подруге, о том, что в их дружбе

появилась трещина. Девушке была очень дорога Зарема и не хотела терять подругу. «Я не должна позволять гордости и обиде разрушать нашу дружбу, и я напишу Зареме первой, все равно она не выходит у меня из головы». Набрала в телефоне: «Зарема, прости за случившееся сегодня!» Девушка была в сети полчаса назад.

Шамсият решила, что подруга уже спит, время действительно было позднее, ее саму уже тянуло в сон. Она поднялась в свою комнату, легла и вдруг услышала звук который извещал о сообщении. Взяв телефон девушка прочитала: «*Это ты меня прости, я была неправа*». От этих слов стало спокойно на душе и она набрала ответ: «*Значит мир?*» «*Конечно мир!*», сразу же засветилось на экране.

Закончив все свои приготовления к университету Шамсият спустилась вниз, – на кухню. Сестры там не было. У девушек было негласное правило, кто первым спускается на кухню тот ставит чайник, заваривает заварку и накрывает на стол то, что есть на завтрак. А в обязанности другой сестры входило убрать со стола и помыть посуду. Обычно, завтрак девушек состоял из хлеба с маслом, сыром, колбасой, а иногда баловали себя разными изысками для разнообразия.

Сегодня Шамсият была в хорошем настроении и она решила приготовить на завтрак яичницу. Она уже сидела за столом и начала есть когда наконец появилась сестра.

– Ты что сегодня так поздно?

– Пока выбирала, что надеть, время так быстро прошло.

– И что выбрала? А ну покажись.

Разита покрутилась перед сестрой. На ней были черные джинсы и темно-зеленая, почти болотного цвета водолазка.

– Сногшибательно! – поцокала языком Шамсият.

Она засмотрелась на сестру. Та действительно выглядела очень красиво, хотелось на нее любоваться и любоваться. И джинсы ей очень подходили, они подчеркивали не просто стройную, а стройно-изящную фигуру.

Разита была самой красивой из сестер. Высокая, стройная, в ней была особая грация. Природа щедро одарила девушку женскими прелестями. Черные, жгучие волосы, от природы идеально прямые и жесткие. Такие же черные глаза, и все это в сочетании с белой кожей. В любой, даже в самой старомодной одежде девушка выглядела стильно. Как самой красивой, так же Разита была и самой взбалмошной и своенравной из сестер.

Разита в отличии от сестры была модницей, часто меняла наряды и тоже покупала только дорогую и брендовую одежду. Уже на первом курсе девушка одела джинсы. Они ей очень нравились и подходили. Шамсият же никогда не была модницей, но с появлением в ее жизни первой любви девушка начинала думать о нарядах и прическах больше чем о занятиях.

– Разита, тебе так подходят джинсы.

– Спасибо.

– У тебя же их много?

– Ну да. Я же не буду одни и те же носить.

– Я тоже хочу купить себе джинсы, но... не знаю, подойдут они мне или нет. Будет ли мне в них удобно.

– Ты стройная, высокая, конечно подойдут. В них очень удобно, намного удобнее юбок и платьев. Я тебе давно их советовала.

– Мы вчера с Заремой ходили покупать мне джинсы, но так ничего и не взяли. А я все еще сомневаюсь, стоит ли мне их покупать.

– Конечно стоит.

– Можно я сегодня твои одену?

Этот вопрос удивил Разиту. Шамсият никогда не просила у нее поносить что-то из одежды. Живя в Хунзахе родители не баловали девочек одеждой, и обычно сестры донашивали

за старшими. Новую одежду в основном брали Рабият, а Разита и Шамсият донашивали за ней, что очень сильно не устраивало Разиту. Но, как только они стали студентками все переменялось: родители всем выделяли деньги на одежду, и выделяли большие суммы если это было необходимо. Считалось, что девушки взрослые, уже невесты, и теперь они в городе. А здесь нужно быть на уровне, и девушки не донашивают друг за другом.

– Хорошо. Возьми любые.

– Шамсият обрадовалась этим словам и пошла наверх переодеваться.

Шамсият и Разита жили в отдельных комнатах. Дом был большой, комнат было много и семья Сулеймановых могла позволить дочерям занимать каждой отдельные комнаты. В комнате Шамсият раньше жила Рабият, – самая старшая сестра, но она в прошлом году вышла замуж, и комната осталась Шамсият.

Открыв дверцу шкафа сестры девушка была удивлена разнообразию содержимого. Она быстро нашла полку с брюками. Тут одних только джинсов было целых пять штук. Шамсият выбрала темно синие, к ним подобрала тунику на тон светлее. Она была чуть полнее Разиты, потому и так обтягивающие на Разите джинсы на ней совсем были в обтяжку. Тяжело полезли, но было терпимо.

Переодевшись за пару минут девушка крутилась у зеркала: на нее смотрела совсем другая девушка, непривычная и ей незнакомая. Она ей нравилась: стильная и красивая, эта девушка в зеркале очаровала ее. «Абдулджалилу понравится» – возникла мысль у девушки, сейчас с высоты своего юного возраста это было самым главным. Все остальное не имело никакого значения. Но было все же что-то не то в этом образе, что-то такое, что раздражало глаза и не вписывалось в образ красивой и стильной девушки. Шамсият очень скоро поняла, что это ее волосы: длинная, ниже талии коса и строгий прямой пробор никак не вписывались в образ девушки в джинсах.

Шамсият знала, что с длинной косой выглядит как девушка из прошлых веков, ей не раз говорили об этом. Но ей это было безразлично. Девушке самой очень нравились длинные волосы и коса. Но теперь все изменилось, захотелось красивой прически, распустать волосы... и она решила, что сегодня же распрощается со своей косой.

В университете все обратили внимание на то, что Шамсият одела брюки. Море комплиментов и восхищенных взглядов было посвящено ей. В этот день девушка чувствовала себя «звездой». Всеобщее внимание ей понравилось. На одной из перемен Шамсият решила поговорить с подругой:

– Зарема, я хочу постричься.

– Не жалко такие длинные и красивые волосы резать?

– Нет. Я же не лыску делаю. Из моих волос можно только косу заплести. А я хочу разные прически, распустать волосы. Я такие ободки красивые на базаре видела. Надоело всегда с косой или с дулей ходить.

– Что-то не похоже на тебя, ты же у нас такая скромная и тихая.

– Все когда-либо меняется, – загадочно улыбнулась Шамсият.

После занятий девушки пошли в парикмахерскую. Выбрали длину чуть ниже плеч, такие волосы были у Заремы.

На полу лежала копна волос цвета ореховой скорлупы. Шамсият стало жаль увидев их. Она провела по своим волосам и встряхнула головой: «Эта новая я, современная и обновленная».

– Идем ко мне Зарема.

– Не знаю. Разрешит ли мама, – заколебавшись девушка позвонила к маме, и получив одобрение, обе девушки отправилась домой к Шамсият.

Девушки часто ходили в гости друг к другу. Им нравилось проводить время друг у друга. Особенно девушки засиживались на кухне. В такие минуты могли поговорить о чем угодно. Обсуждали все на свете, начиная со своих одноклассников и заканчивая глобальным потеплением.

Но сегодня Шамсият приглашала подругу в гости не просто так, у нее была особая цель. Вот уже второй день она думала о словах Заремы, о том, что над ее манерами одеваться смеются все одноклассники. Эти слова застряли в сердце и в мыслях девушки. Она понимала, что не сможет избавиться от этих мыслей, пока не поговорит с подругой, не выяснит, кто над ней смеется и что именно стало причиной издевательств.

Придя домой девушки первым делом пообедали. А потом по обычаю поднялись в комнату Шамсият. Зареме очень нравилась комната девушки, ей казалось, что здесь по-особенному уютно: светло-розовые, нежные обои, на которых еле заметно вырисовывался какой-то красивый, вычурный узор золотистого оттенка. Белая мебель: кровать, шифоньер, тумбочка и столик для туалета. Стол, такой же белый, в тон мебели. За этим столом Шамсият делала уроки, а сейчас на нем стояли учебники с тетрадями, ноутбук и красивая ваза с цветами. Они выглядели как живые, и источали нежный аромат настоящих цветов. И только при близком рассмотрении становилось понятно, что цветы искусственные. На самом деле эти были мыльные розы. Шамсият являлась большой поклонницей мыльных роз. Они долго сохраняли первоначальный вид и источали приятный аромат, переполняющий комнату нежным, еле уловимым дурманом.

Гостья подошла к вазе с цветами и вдохнула их волшебный аромат.

Шамсият неудобно было начинать этот разговор, напоминать подруге слова которые были упомянуты во время ссоры. Но, она должна была это сделать, иначе они не перестанут ее грызть.

Девушки болтали о своем. Зарема заставила подругу покрутиться перед зеркалом, дала примерить свой ободок. Теперь уже без сомнения из зеркала смотрела модная и современная девушка: в джинсах и в тунике, распущенные волосы до плеч, а на голове красивый черный ободок с камушками. «Вот теперь я действительно буду нравиться Абдулджалилу», – улыбнулась она своим мыслям.

Время шло, а Шамсият так и не осмеливалась спросить у подруги то, что ее беспокоило. Она оттягивала неприятный момент все дальше и дальше, но наконец пришло понимание, что больше оттягивать некуда, скоро подруга уйдет домой.

– Зарема, я хотела поговорить с тобой, – Шамсият села на край кровати и виновато опустила глаза.

– Говори, – весело ответила та, но увидев грустную подругу поняла, что речь пойдет о чем-то неприятном.

– Помнишь, ты вчера сказала, что в университете смеются надо мной и над моей манерой одеваться.

– А... ты об этом? Забудь.

– Что забыть? Как такое забыть? – Шамсият повысила голос, ее задело то, с какой легкостью подруга предлагала ей забыть то, что вот уже вторые сутки не дает ей покоя.

– Да никто уже не смеется. Не думай об этом, – по тону голоса подруги Зарема поняла, что для нее это очень серьезно.

– А почему они смеялись и кто вообще смеялся? – Шамсият с надеждой посмотрела на подругу. – Зарема, расскажи мне все. Я должна знать: кто надо мной смеется и что во мне не так.

– Да не переживай ты так, – Зарема провела подруге по волосам в знак поддержки. – Да. Было такое, что посмеивались над твоим прикидом. Ты же одеваешься просто, и внешне ты такая, – ну как у девушки прошлого столетия. Сейчас никто не ходит с такой длинной косой, –

девушка глубоко вздохнула. – Но никто уже не смеется, сейчас все тебе завидуют. Наоборот, пытаются тебе подражать, волосы отращивают. Ты разве не заметила, что с недавних пор у нас девушки начали косички делать?

– Заметила, – Шамсият была более чем просто удивлена полученной информации. – Но а что такого случилось, почему вдруг начали завидовать?

– А ты не знаешь?

– Нет!

– И даже не догадываешься?

– Ну, конечно, нет!

– Да ладно тебе! Не притворяйся!

– Да в чем дело? – девушку начало раздражать то, что подруга говорит загадками.

Зарема улыбнулась. Нависла пауза.

– Ну говори! – Шамсият не терпелось узнать, что же такого случилось, что мнение одногруппников о ней так переменялось.

– Осман влюблен в тебя.

– Ну и что?

– Как это, ну что? – теперь уже Зарема была возмущена, казалось бы, глупой игрой в притворство.

– Что такого в том, что Осман влюбился в меня?

– То, что Осман самый крутой парень у нас на курсе. Его отец работает в правительстве. Их тухум считается одним из влиятельных в республике. Любая девушка будет счастлива, если такой парень в нее влюбится. А ему понравилась ты. Вначале девушки даже не могли понять, что он в тебе нашел. Да... ты отличница, внешне нормальная, симпатичная, а если приоденешься и наклеишься, даже красивой будешь, но у нас на курсе полно красивых девушек, отличниц тоже хватает. Вот все и решили, что Османа покорила твоя старомодность.

От слова «старомодность» Шамсият стало смешно.

– А мне Осман даже не нравится, – грустно вздохнула она. – Зарема, я люблю Абдулджалила.

– Понимаю, сердцу не прикажешь. Мне очень сильно нравится Али, кажется, я тоже ему нравлюсь, но у меня есть жених.

– Чего? Зарема, у тебя есть жених?

– Да, – сказала Зарема обреченно.

– И когда он у тебя появился?

– Давно уже, два года как уже засватали меня.

– А почему ты до сих пор мне об этом не говорила? – Шамсият сделала обиженное лицо. – Тоже мне, подруга называется. Самое интересное от меня скрыла.

– Ну не знаю. Я себя как-то даже не чувствую чьей-то невестой. Поэтому наверно. Мы почти и не общаемся.

– Почему?

– Ну... он в Ростове, а я здесь. Он после школы поехал туда учиться, сейчас уже ординатуру проходит. Это родители нас засватали. А я и не была против. Но он мною почти не интересуется, редко пишет, только по праздникам, чтобы поздравить. Летом, когда здесь был только один раз в гости приходил, и то с мамой. А потом Алишка начал уделять мне знаки внимания, и я влюбилась, – Зарема, с надеждой посмотрела в глаза подруге. – как думаешь, я нравлюсь Алишке?

– Да какой Алишка, – возмутилась Шамсият, – у тебя жених есть.

– Я знаю, – прослезилась девушка, – но, я люблю Али. Я даже кольцо не ношу. Сняла когда к Алишке чувства появились.

– Тебе уже и кольцо одели?

– Да. Как школу окончила, в том году одели.

Али – спортсмен, активист, заводила и неофициальный лидер курса. Спортивного телосложения, симпатичный, уверенный в себе, он обратил внимание на Зарему еще на первом курсе. Он шутил с ней, уделял внимание, но так и не признался в любви. А Зарема была поглощена мыслями об этом однокурснике и ей очень хотелось, чтобы он ее любил. И она не знала, что делать, если он действительно влюблен.

Глава 5

Третий семестр подходил к своему завершению. Началась зимняя сессия. Время сессий это «горячая пора» для всех студентов. Экзаменов и зачетов было очень много. Для тех кто старался и учился во время всего семестра сессии проходила легко. У таких студентов было много освобождений, а это давало времени на подготовку к другому экзамену или зачету.

Весь город готовился к встрече нового года. Но у студентов Новогоднее настроение появлялось только после сдачи последнего зачета, а это происходило обычно 31 декабря.

Шамсият предвкушала как во время Новогодних каникул поедет в Хунзах, туда где снег, и туда куда так тянет ее сердце. Мама уже отправила ей пару фотографий и видео Хунзахского снегопада, и она мечтала поскорее оказаться там. Многие зачеты она получила автоматически, готовиться было почти не к чему, но уезжать раньше времени нельзя было так, как на каждый зачет необходимо было явиться лично, с зачетной книжкой.

Абдулжалил получил автоматически многие зачеты, и экзамены. То, что автоматически получить не удалось, сдал с другой группой досрочно и уже 25 декабря был освобожден от необходимости явиться в университет, так как предоставил в деканат письмо с просьбой разрешить студенту Гайдарову Абдулжалилу поехать на гастроли по Дагестану с ансамблем. Так как все зачеты были сданы, деканат удовлетворил просьбу.

Время от времени Абдулжалил отправлял в группу в WhatsApp фотографии со своих гастролей и выступлений.

Было 27 декабря. Шамсият с утра готовилась на зачет. Это был один из тех зачетов по которому ей не поставили автоматом. Но она совсем не переживала, так как была уверена, что сможет сдать. Материал, она так хорошо знала, а еще и готовилась к зачету три дня. Возможности, что она провалит был мало, его почти не было.

Прошло уже более десяти дней как она поменяла имидж. Теперь у нее были короткие, до плеч волосы, которые она в основном распускала. Она начала использовать косметику и одеваться модно и современно, как все ее однокурсницы.

На зачет Шамсият пришла особенно яркая и модная: распущенные волосы, на голове красивый черный ободок с большой брошью с яркими и большими камушками, сиреневая водолазка и обтягивающие черные джинсы. Накраситься девушка решила сегодня особенно ярко. Она нанесла сиреневые тени, – под цвет водолазке, обильно нанесла на ресницы тушь, и покрасила губы яркой, слишком вызывающей помадой. Шамсият нравился ее новый образ, – образ девушки дерзкой, независимой, уверенной в себе. Именно такой она ощущала себя в новом имидже. Ей понравилось краситься, понравились распущенные волосы. Она экспериментировала со своей внешностью, искала свой стиль в макияже: цвета и оттенки которые особо ей подходят.

Даже однокурсницы начали относиться к ней по-другому, когда она поменяла имидж, многие делали комплименты, давали какие-то советы, спрашивали, что побудило ее к таким крутым переменам в жизни. И внимания от парней стало больше. В последние дни Шамсият была в центре внимания, и ей это нравилось.

Как и ожидала, зачет она с легкостью сдала. Но идти домой не хотелось, она осталась в университете и поддерживала своих одноклассников. Через час Зарема тоже сдала зачет и девушки решили пойти отметить данное событие в кафе, поесть пиццу. В прошлом году девушки посетили почти все более или менее известные кафе и пиццерии в городе, но оказалось, что самая вкусная пицца готовится в кафе расположенном в кинотеатре «Россия». В кафе девушки в основном всегда заказывали пиццу, потому, что обе очень ее любили.

– В «Россию» пойдём?

– Да. Идем.

– Завтра зачета нет, так что можно сегодня отдохнуть, развеяться чуть. Я так устала от этой сессии, – вид у Заремы был и вправду уставший.

Девушки одели теплые зимние куртки, завязали платки и вышли на улицу. Перед зеркалом Шамсият особенно долго прихорашивалась и любовалась собой.

– Идем быстрее, ты что так долго вертишься? – подруга торопила ее.

– Так непривычно видеть себя с короткими распущенными волосами и с макияжем на лице.

– Тебе подходит.

– Да. Мне тоже нравится.

Девушки оставили за собой массивную университетскую дверь и вышли на улицу. Зимний воздух встретил их морозцем. Шамсият вздохнула этот свежий, морозный, зимний воздух полной грудью.

– Что-то холоднее стало. Чувствую я снег пойдет.

– Пусть уж лучше не идет. Без снега лучше.

– Почему это? – Шамсият с непониманием посмотрела на подругу.

– А что хорошего в снеге? Сегодня пойдет, завтра растает, будет грязь, слякоть. Зачем это все?

– Ну это не снег. Снег – это когда везде бело, вокруг сугробы. Когда в тебя кидают снежком, а ты спешишь домой пока в снег не затащили и не намылили. В Хунзахе сейчас так. Мама утром звонила и говорила, что опять идет снег.

Девушки были в хорошем настроении. Юность, еще один сданный зачет, а впереди Новогодний праздник и зимние каникулы, – жизнь была прекрасна. Они спустились на остановку с краю городского второго рынка. Было холодно, поэтому продавцы закутались в теплые одежды, терли руки, и прыгали на месте пытаясь согреться. С потоком таких же молодых и беззаботных студентов и студенток Шамсият и Зарема быстро вышли на улицу Магомеда Гаджиева, и почти сразу же сели в маршрутку.

Кинотеатр «Россия» встретил девушек украшенной елкой. В холле тоже была елка. Только поменьше в размерах но поярче украшенная, чем ее живая родственница во дворе. На первом этаже было очень много народа. Молодежь шумно и оживленно играла в установленные здесь игровые приставки. Девушки поднялись в кафе. Они медленно обошли весь зал, пытаясь найти свободные места у витрины. Наконец им улыбнулась удача: за одним из таких столов семья уже собиралась уходить. Девушки подождали пока те выйдут и быстро заняли их места. Посуда со стола еще была не убрана, но это их не беспокоило. Главное было, что они нашли столик у витрины. Они всегда стремились сидеть именно за этими столиками. Эти места были частично огорожены от основного зала и оттуда открывался вид на проспект Шамиля, и все, что происходило на улице, было как на ладони.

Вежливая официантка быстро убрала со стола и принесла меню. Девушки и без меню знали, что они закажут: пиццу-ассорти, две колы и коктейль.

Наступали сумерки, и девушки молча наблюдали за тем, что происходит на улице: очень много молодых людей заходили в кинотеатр, – кто-то с друзьями, кто-то с возлюбленными. Внимание девушек привлек одиноко стоящий у фонтана парень. Одет он был легко и было заметно, что мерзнет.

– Наверно девушку ждет.

– Да. Свидание наверно у них.

Официантка принесла ароматно пахнущий поднос. Аккуратно положила пиццу перед девушками и пожелав приятного аппетита удалилась. Пицца, как всегда выглядела очень аппетитно и от нее исходил такой приятно щекочущий ноздри аромат. Обе девушки были голодны и потому с удовольствием приступили к еде.

– А на после завтра с зачета ты не освобождена? – первой нарушила молчание Шамсият.

– Нет. А ты?

– Вроде да. Индира Азизовна обещала мне, что освободит. Ты же помнишь, она заранее не сказала, кого освобождает. Предупредила, чтобы все пришли подготовленными, а кого освобождает, перед зачетом только объявит. Я не буду учить. Она должна меня освободить. Мне и не хочется уже ничего учить. У меня чемоданное настроение. 31-го сразу после зачета еду к родителям. Я так скучаю по Хунзаху, Зарема, ты даже не представляешь, как я по нему скучаю.

– Ты столько рассказываешь о своем Хунзахе, – Зарема улыбнулась, – мне он уже кажется каким-то особенным местом, каким-то раем на земле.

– А это и есть рай. Но, – Шамсият вдруг приняла серьезное выражение лица, – но не для всех. Разита например, его раем не считает. Ее рай, – эта Махачкала. Она и на зимние каникулы ехать не хочет, думает какую бы отмазку придумать, чтобы не ехать.

– Хотела бы я увидеть этот твой Хунзах.

– Поехали, со мной на каникулах туда.

– В эти зимние каникулы, что ли?

– Да. Я серьезно, поехали.

– Нет. Не могу. Родители не отпустят.

– Понимаю. Ну ничего! Если суждено приедешь в мой родной край. Увидишь его. Кто знает в жизни чего еще произойдет. Вот выйдешь замуж я тебя с мужем к себе домой приглашу.

– Ты замуж туда выйти планируешь?

– Да. Я буду жить в Хунзахе и только там.

Зарема рассмеялась.

– Что смешного? – Шамсият была удивлена такой реакции подруги на свои слова.

– Ты думаешь Осман переедет к тебе в Хунзах? – все еще продолжая смеяться спросила Зарема.

– А при чем здесь Осман?

– Он же любит тебя, и хочет жениться.

– Ну не знаю, – сказала Шамсият с явными нотками гордыни в голосе. – Может и не хочет. Он мне предложения не делал. Но, даже если и хочет, ну и что? Мне-то какое до этого дело? Я-то за него замуж не собираюсь.

– Зря ты так, – вздохнула Зарема, – зря Османа обижаешь. Я бы посоветовала тебе приглядеться к нему.

– Он же даргинец. Меня родители и не выдадут за него.

– А как же Абдулджалил? Он тоже вряд ли к тебе в село поедет.

– Абдулджалил, – мечтательно вздохнула Шамсият. – Я с Абдулджалилом где угодно жить готова.

– Он тебе еще не признался в любви?

– Нет, – печально сказала девушка, – может, я себе напридумала, что мои чувства взаимны? Наверно я ему не нравлюсь.

– Мне кажется нравишься, просто стесняется парень.

На улице уже была ночь. Ночная трасса: окрашенная красными и желтыми фарами машин казалась каким-то живым механизмом пришедшим в движение. Светофор мигал своими разноцветными «глазками» особенно ярко. Все это яркое разнообразие дополняли беловатый свет из окон многоквартирных домов.

Шамсият вышла на остановке. Отсюда, ее дома идти примерно 15 минут. Уличные фонари ярко освещали путь. Чем ближе к своему дому она доходила, тем безлюднее становились улицы. Но девушка не боялась. Она привыкла. Ей часто приходилось возвращаться домой затемно.

Вдруг в воздухе стало особенно морозно и вокруг заплясали какие-то белые, прозрачно-блестящие создания. Девушка подставила руку и пару этих созданий едва соприкоснувшись исчезли оставив за собой едва заметный мокрый след. «Снег, первый снег! Как же долго я тебя ждала, как сильно по тебе скучала!» – Шамсият была несказанно рада первому снегу. Белесо-прозрачные, шестиконечные звезды мерцали при свете фонаря. С минуты все пространство вокруг наполнилось снежинками. Шел снег.

Вдруг телефон в кармане завибрировал подав знак, что на WhatsApp поступило входящее сообщение. Вытащив телефон девушка прочитала от Османа: *«Привет! Что делаешь?»* – Шамсият удивило это сообщение так, как Осман редко писал к ней.

«Привет! Домой иду», – написала в ответ.

Какое-то время ответа не было. Девушка уже успела позабыть об этом инциденте когда телефон завибрировал и на экране появилось: *«Ты изменилась в последнее время. Мне не нравится, как ты сейчас выглядишь»*.

Это сообщение показалось Шамсият слишком дерзким и самонадеянным: «Как будто мне интересно его мнение», а в ответ написала: *«Ну и что?»*

«Раньше ты была красивее чем сейчас, и коса тебе очень подходила. Жаль, что ты ее отрезала», – получила девушка новое сообщение. Шамсият стало тоскливо от этих слов. Она вспомнила свои длинные волосы. Настроение тут же было испорчено. Еле, шатаясь девушка дошла до ворот своего дома, сквозь слезы было сложно попасть ключом в замок. Двор уже был устлан тонким слоем снега. Снежинки падали на лицо и таяли, перемешивались со слезами и катились по щекам. «Да кем себя этот Осман вообразил? Кто он такой, чтобы писать мне такие вещи?..»

* * *

– Давайте поедem в Чиндирчero, на зимние каникулы. На пару дней, – энтузиаст и активист Али, как всегда, подал идею одnogруппникам.

Чиндирчero, – известный горнолыжный курорт в Дагестане.

Многим эта идея понравилась, но как всегда были те у кого другие планы и те кто просто не хотел. Но основная масса с радостью поддержали идею и второго января было решено отправиться в горнолыжный курорт. Ехать было далеко. Заказали микроавтобус благоразумно решив, что на своих машинах добираться небезопасно.

Шамсият собиралась сразу после последнего зачета ехать в горы. Но, идея провести три дня катаясь на лыжах со своими одnogруппниками ей понравилась. Она еще ни разу не была в Чиндирчero и кататься на лыжах не умела. Но в группе таких как она было много. Так что стесняться было нечего, и Шамсият решила: если родители не будут против, поехать в Чиндирчero.

– Разита, я не еду с тобой в Хунзах тридцать первого. Придется тебе ехать самой.

– А кто тебе сказал, что я вообще ехать собираюсь?

– Ну мы же собирались.

– Ты как хочешь, сестренка, но я никуда не еду. Ни тридцать первого, ни десятого, ни вообще никакого. Не хватало еще в горы ехать. У меня законные каникулы, и я хочу отдохнуть.

Шамсият знала, что Разита не любит ездить в Хунзах, но родители не разрешали ей не приезжать по каникулам.

– А родители разрешили тебе?

– Конечно разрешили. Или ты думала, это они только тебе разрешат развлекаться и веселиться?

– Так значит ты вообще не едешь? – Шамсият не хотелось ехать одной, с незнакомыми людьми.

– Да. И тебе не советую. Смысл туда ехать? Не лучше ли отдохнуть, погулять с подружками? Подготовиться спокойно к экзаменам.

– Я так не могу. Я поеду. Я скучаю по родителям.

– Твое право. Только не ной, что я тебя одну отправляю.

Шамсият не понимала как можно не скучать по Хунзаху, по его знакомым с детства улицам, по дому в котором росла, по родителям в конце концов.

* * *

Тысячи разноцветных огней с грохотом разлетались по ночному небу образуя красивые узоры. Все небо над Махачкалой было украшено разноцветными огнями, которые быстро, стремительно поднимались ввысь, – разлетались на тысячи мелких ярких огоньков и быстро таяли в ночи. И все это великолепие продолжалось более получаса. Сестры с балкона смотрели на фейерверк. А он был долгим и особенно красивым. В прошлом году Шамсият впервые увидела Новогодний фейерверк в Махачкале и была покорена его красотой и величием. В Хунзахе тоже пускали салюты в честь Нового года, более того, ответственным за все Новогодние мероприятия в районе был в последние годы ее отец. Но Махачкале это было особенно величественно. Наблюдая за ночным Новогодним небом Шамсият получила настоящее эстетическое удовольствие. Она сама тоже мечтала пускать фейерверки, но это потом, когда-нибудь... вместе с мужем. От этих мыслей Шамсият вспомнила Абдулджалила и улыбнулась.

Эта была первая Новогодняя ночь в жизни девушек которую они встречали не с родителями. Родители строжайше запретили им выходить из дома. Девушки накрыли новогодний стол и украсили елку.

Вдруг завибрировал телефон. Шамсият прочитала сообщение от Османа: «С Новым годом!». Девушка оставила его без ответа: «Осман мне совершенно не нравится. Зачем давать парню лишние надежды?» Она решила, что больше никогда не будет отвечать на сообщения Османа, если только они не носят деловой характер, связанный с учебой.

Через пару минут пришло еще одно сообщение: «С Новым годом!», в девушку проникла какая-то особенная радость. Это было сообщение от Абдулджалила. Она поспешила поздравить его в ответ. Девушка вышла на балкон, сфотографировала ночной город и отправила ему. В ответ парень отправил ей фото ночного Краснодара. Он с гастрольями находился в этом городе. «Абдулджалил, мы 2 января собираемся в Чиндирчиро, жаль, что тебя с нами не будет», – девушке действительно было грустно от того, что Абдулджалила не будет с ними в курорте.

«Я бы тоже очень хотел поехать с вами»

Так сообщение за сообщением у них пошла беседа. Когда Шамсият случайно бросила взгляд на большие настенные часы они показывали 03:45. Она сразу не поверила, что уже так поздно и столько времени они с Абдулджалилом переписываются. Время на телефоне показывало то же самое. Пожелав спокойной ночи парню девушка отправилась спать. Она была счастлива. Новогоднюю ночь она провела переписываясь с любимым парнем, ей казалось, что эта очень хорошая примета.

На трассе Акушинского Шамсият ждала маршрутку. Девушка нервничала. Она боялась, что опоздает, а нужной маршрутки все не было. Несмотря на то что уже девятый час, всегда бурлящая машинами трасса была почти пуста, и даже те немногие машины, которые проезжали, казалось, ехали как-то медленно, лениво, не спеша.

Город погрузился в Новогодние выходные. Жители должно быть еще даже не проснулись, или просто в этот час сидели дома и отдыхали. Да и куда им было выходить 2 января утром?

В 10 часов было решено встретиться у университета, чтобы все вместе поехать в Чиндирчиро. Было уже половины десятого, девушка переживала, что опаздывает.

Шамсият то и дело смотрела на телефон. Там в группу писали, что многие еще не подошли, а вот водитель с микроавтобусом уже на месте ждут пока все соберутся. Вскоре ей улыбнулась удача, приехала маршрутка № 18. Девушку злило, что маршрутка сонно и медленно ехала, почти по пустой трассе, именно тогда когда она опаздывает. Она знала, что ребята многие еще не пришли, но она не хотела быть в числе опоздавших.

Наконец девушка вышла из маршрутки и почти бегом направилась к университету. Она еще издали увидела одиноко стоящий у университетского забора белый микроавтобус. Вокруг больше не было ни одной машины. Это было непривычно, так как стоянка перед университетом всегда была полна машин.

Поздоровавшись с ребятами Шамсият вошла в теплый салон. В салоне было удивительно тихо. Разговаривать никому не хотелось, все молча смотрели в окно или в телефон. «Такое ощущение, что сегодня все спят на ходу», – промелькнула мысль у девушки. Она села на свободное место, а рядом с собой место заняла для Заремы. Теплый, уютный салон микроавтобуса был оформлен по последним технологиям: удобные кресла с высокими спинками, затемненные окна, телевизор...

Вдруг в микроавтобус зашел Осман и сел на место рядом с Шамсият. Она растерялась, ей казалось, что это просто шутка и Осман сейчас встанет, но он вставать не собирался. А ехать с Османом всю дорогу ей вовсе не хотелось.

– Осман, это место занято!

– Знаю. Оно занято мною.

– Оно было занято до того пока ты его занял, я его специально для Заремы заняла.

– Ничего страшного. Я думаю Зарема согласится уступить его мне.

– Тебе что, больше сидеть негде? Вот сколько свободных мест, – Шамсият оглянула салон, – выбери себе любое. Зачем тебе именно здесь сидеть?

– Я хочу сидеть с тобой.

– А я с тобой не хочу. Вставай! Зарема не согласится, чтобы ты здесь сидел.

– Согласится. Вот придет она я с ней поговорю.

– Нет, не согласится. Мы с ней договорились вместе сидеть пока будем ехать. Она не такая девушка которая рушит договор.

– Так значит вы заранее договорились?

– Конечно.

– Я тоже хочу с тобой кое о чем договорится.

– О чем?

Осман смущенно улыбнулся. Он думал о чем бы таком договориться с девушкой. И вдруг на ум пришла хорошая идея.

– Давай так: договоримся о том, что в следующий раз, когда мы куда-то будем ехать, ты будешь сидеть со мной.

Шамсият задумалась. Одногоруппники которые все это время затаив дыхание наблюдали за ними вдруг в один голос начали говорить: Соглашайся!!!

– Хорошо! Я согласна. Но... у меня есть одно условие, – хитро улыбнулась девушка.

– Говори!

– Давай вот что: мы летом после сессии точно поедem куда-нибудь. Так вот, если ты сдашь летнюю сессию на все пятерки я согласна сидеть рядом с тобой, и все время проводить с тобой. А если нет, – ты оставляешь меня в покое.

Все затихли в ожидании решения парня.

– Договорились, – сказал Осман и протянул руку.

Шамсият пожала протянутую руку. Этим они скрепили свой договор. А все ребята которые были в автобусе и слышали этот разговор являлись свидетелями, гарантом того, что договор неразрушим.

Парень встал и пошел выбирать себе новое место. Зарема которая уже пришла и застала на своем месте Османа заключающего договор села на свое место.

– Что это он хотел? – спросила она, так как она не слышала весь разговор.

– Хотел сидеть со мной, – надменно ответила Шамсият. Ей льстило внимание парня.

– А что не согласилась? – искренне удивилась Зарема.

– С ума сошла, что ли? Зачем он будет со мной сидеть?

– Ну раз он хочет, могла бы не выгонять. Мне кажется ты слишком высокомерно себя ведешь.

– Зарема, прекрати, – девушке стало обидно, что подруга ее не понимает и не поддерживает.

– Ладно. Все! Больше ни слова. Давай наслаждаться дорогой.

Скоро машина тронулась с места и начала медленно пробивать себе путь.

Дорога была длинная, больше двух часов в пути. Когда наконец прибыли перед ребятами открылись огромные покрытые снегом просторы, и солнце светило так ярко, что свет резал глаза. Ребят встретили и проводили в отель. Они заранее забронировали себе места.

Шамсият пыталась стоять на лыжах. Даже просто стоять ровно на них не получалось, все время норовила упасть. Лыжи казались ей такими огромными и тяжелыми, они словно кандалы сковывали ее движения.

Голос инструктора девушка еле различала сквозь хохот и гул одногруппников. Многие из них так же как и она впервые становились на лыжи, они так же падали и поднимались, падали и барахтались в снегу.

Шамсият в очередной раз упала, вся ее одежда, волосы, варежки все было в снегу. Она уже выбилась из сил, ей казалось, что она даже просто стоять на лыжах никогда не сможет.

– Давай я научу тебя, – Шамсият прямо над собой услышала насмешливый голос Османа.

Он уверенно стоял на лыжах. Девушка опасливо оглядела парня который так удачно заслонял от нее солнце. В темно-синем спортивном костюме Осман стабильно стоял на лыжах и выглядел более чем уверенно. Шамсият вдруг поняла, что этому парню можно довериться.

– Давай, – сказала она и протянула ему руку.

Он помог ей подняться.

– Ты умеешь кататься на лыжах?

– Да, конечно. Мы с отцом часто здесь отдыхаем. Это любимое место нашей семьи.

– Хорошо тебе. А мне кажется я никогда не научусь.

– Научишься. Я когда впервые на лыжи встал тоже себя так же чувствовал. На самом деле, это не сложно.

Шамсият как всегда оказалась способной ученицей, она быстро научилась кататься на лыжах, намного быстрее чем хотелось бы Осману. Она отблагодарила его и с веселым смехом помчалась вперед, к своим подружкам.

Осман все время думал о договоре, которого он так неожиданно для себя заключил. Сам того не ожидая, парень оказался в западне куда сам себя загнал. Когда Шамсият предложила свои условия договора ему ничего не оставалось кроме как согласиться. Осман учился плохо, еле перебираясь с тройки на четверку. Он еще в детстве уяснил для себя, что учиться хорошо ему не обязательно, и без показателей «отлично», он сможет сделать себе хорошую карьеру. Для этого у него были влиятельные родственники и их связи. Осман никогда не был отличником. Ему казалось, что он сможет хорошо учиться если приложит усилия и будет много времени

посвящать учебе, но учиться ему всегда было лень. Он нашел себя в спорте, спорт – это было то, чем ему нравилось заниматься, то, что ему было интересно, но он понимал, что спорт – это не то, с чем он хочет связать всю жизнь. Свою жизнь парень, как и отец, хотел посвятить политике, а волейбол был всего лишь юношеским увлечением, а главное папа это одобрял и сам лично иногда присутствовал на его соревнованиях. И в рамках благотворительности оказывал серьезную помощь и поддержку для развития юношеского волейбола.

Парень был серьезно озадачен тем, что произошло: «Что мне теперь делать? Я понятия не имею как я буду учиться так, чтобы сдать всю сессию на отлично. И получится ли у меня?» Эти мысли все время вертелись в голове парня не давая возможности думать о чем-то другом. Проиграть пари Осман просто не мог себе позволить, тогда согласно договору ему придется держаться подальше от девушки которая ему нравится.

Вся эта ситуация казалась Осману очень глупой. Но, он не мог позволить себе проиграть. Он не привык проигрывать. Победа любой ценой, тем более когда приз за победу столь заманчивый. «Конечно придется стараться, и стараться придется очень сильно. У меня получится».

Глава 6

Белая маршрутка с надписью «Махачкала – Хунзах» то сбавляя то прибавляя ход поднималась на перевал. Шамсият всегда выбирала место у окна. Пейзаж проносящийся за окном всегда привлекал ее, хоть она и ехала не в первый раз и все эти красоты видела не раз, она не уставала ими любоваться. Это доставляло ей эстетическое удовольствие. Пейзаж за окном машины который быстро уносился вдаль в каждое время года был разным. В Махачкале и в его окрестностях снега почти не было, но чем выше в горы поднимались тем больше было снега. Окутанные в туман скалы казались угрюмыми и одинокими.

Доезжая до Гоцатля, Шамсият позвонила Айшатке. Сестренка ждала ее с нетерпением и просила позвонить к ней, чтобы встретиться. Багажа у девушки не было. С собой она везла только немного сладостей для Айшат и подарок маме, – у нее недавно было день рождения и Шамсият хотела порадовать ее подарком. Доехав до Арани водитель развернул свою маршрутку на остановке и объявил всем, что они приехали. Пассажиры сразу же оживились, начали искать свои пакеты и сумки которых они поставили под сиденья. Снаружи открыл дверь, и в салон заглянули люди, – родственники или близкие пассажиров которые их встречали.

Шамсият сидела в самом конце салона, она не спешила, ждала пока те кто сидели впереди выйдут. В ожидании она посмотрела из окна, и увидела как на скамейке у магазина сидит ее сестренка.

Айшат самая младшая дочь в семье Сулеймановых. Ей было десять лет и она жила с родителями.

– Шамсият, привет! Наконец-то ты приехала, – как только сестра вышла из маршрутки Айшат подбежала к ней и обняла.

– Привет, Айшатка, я тоже очень скучала! – от девочки пахло домом, тот самый вкусный, приятный, особенный и неповторимый аромат которого так не хватало Шамсият в Махачкале. Махачкалинский дом имел совсем другой запах, может даже лучше чем Хунзахский, но с детства привыкший аромат родного отчего дома не мог заменить в сердце Шамсият ни один другой.

Шамсият полной грудью вдохнула свежий, чистый, родной, горный воздух. Огляделась по сторонам. С одной стороны была узкая наполненная снегом дорога, а дальше виднелись маленькие домики и двухэтажные здания магазинов и кафе. Родной район которого она так самозабвенно любила встретил девушку снегом и солнцем. Солнце в горах было особенным, не таким как в городе. В городе оно блеклое, не яркое, словно выглядывающее через тусклое стекло. А здесь, блестело словно бриллиант: излучая силу, радость, полное сил и стремления делиться своей юностью и свежестью.

– Ладно, идем, будем ждать автобус.

Автостанция Хунзахского района находилась в небольшом поселке Арани, расположенном в 2 км от Хунзаха. Все приезжающие с городов приезжали в Арани и оттуда уже добирались до своих сел. Многих встречали родственники с машинами, а кого с машиной не встретили добирались на попутках, или на автобусах. В каждый населенный пункт в день два раз ехал автобус. Хунзах и Арани связывала небольшая дорога словно нитка перекинутая между двумя селами. Арани – маленький поселок, но здесь расположены много значимых государственных объектов района. В отличие от Хунзаха Арани совсем молодой поселок, и живут здесь переселенцы из разных сел. Образовалось Арани вокруг фортификационной башни, построенной в XIX как военный гарнизон для обороны от наступательных частей армии врага. Хунзах – старинное поселение с многовековой историей. Родовое гнездо интеллигенции аварского ханства.

Пока ждали автобус девушки зашли в супермаркет расположенный здесь же на автостанции. Шамсият в которой раз уже не переставала удивляться тому, что цены на продукты здесь ниже городских. В ее понимании, да и по обычной логике должно было быть наоборот, ведь продукты в Хунзах ввозились из Махачкалы, а значит там должно было быть дешевле. Девушка не удержалась и задала вопрос пожилой продавщице:

– У вас здесь цены намного ниже чем, в Махачкале. Честно говоря я очень удивлена. Не скажете, почему так?

– В Махачкале они сверху наценку ставят больше чем мы. Хотя им продукты достаются дешевле, они ведь за дорогу не платят.

– Вы разве не в Махачкале покупаете?

– Да, но у поставщиков, а не в обычных магазинах. Поставщики нам и им по одной цене дают.

– А почему тогда там дороже? Ведь у вас еще и за дорогу наценки должны быть.

– Не знаю милая не знаю. Но говорят, что там они за аренду платят больше, коммунальные услуги там выше, потому и цены высокие.

– Ясно. Спасибо вам большое.

Девушки еще прошлись по магазину. Все, ну почти абсолютно все товары были дешевле чем в городе. У Шамсият даже возникла идея уезжая в город купить здесь на месяц продукты с собой.

«Дом! Родной дом!»

Наконец-то Шамсият оказалась дома. Дом у семьи Сулеймановых был большой, двухэтажный, – старинной постройки. Его построил еще прадедушка Гамзата. Каменный, крепкий, он обещал стоять еще не мало лет. Сестры зашли домой и Шамсият сразу стало по-особенному тепло и уютно.

С того дня как она в последний раз была здесь прошло только четыре месяца, и в доме почти ничего не изменилось.

– Шамсият, ты наверно голодна, я согрею тебе плов, – Айшат пошла на кухню.

– Айшат, подожди, а где мама?

– Мама в школе.

– А что ей сегодня в школе делать? Каникулы же.

– Дауд Арсланович уезжает. Сегодня он созвал внеплановый педсовет. Не все учителя, конечно, придут. Наша Халимат Магомедовна например, уехала в город на каникулы. Но те кто в Хунзахе наверно пришли.

– Ой как хорошо! Я тоже пойду в школу. Я по маме скучаю, и по школе тоже, – в глазах девушки «заиграли веселые огоньки», – идем вместе.

– Нет! Школа мне уже надоела. Не хочу еще и на каникулах туда ходить.

От дома до школы было только 5 мин ходьбы. Школа находилась на главной улице Хунзаха. Шамсият еще издали увидела коричневую крышу здания и в душе у нее появилась особая радость смешанная с тоской, – щемящая душу тоска, и радость одновременно. Радость, что вновь видишь родные стены в которых прошло детство, а тоска потому, что это все прошло и никогда уже не вернуть.

В школе было тихо. Шамсият решила пройтись по школьным коридорам. Прошло полтора года как она окончила школу и за это время здесь ничего не изменилось. На девушку нахлынули воспоминания: столько интересного, хорошего, доброго было в этих стенах: Вспомнила свой класс, одноклассников, учителей... Наконец она прошла в кабинет химии, где учительницей была ее мама. Класс был открыт.

– Mamochka, Шамсият увидев маму бросилась ей на шею словно маленькая.

Шамсият не ожидала увидеть маму здесь.

– Ты приехала родная?

– Да. И сразу же решила зайти за тобой в школу.

– Мы с папой хотели остаться дома, чтобы встретить тебя, но так получилось, что папе пришлось уехать в село Зайб, а меня вызвали в школу.

– Ничего страшного. Я прекрасно добралась. Меня Айшатка встретила.

– Сейчас возьмем методические материалы и пойдем домой, – Умакусун потянулась к ящику стола в котором лежали все ее принадлежности.

– Хорошо. А кто еще в школе? Я хочу увидеть своих учителей.

– Сакинат Расуловна говорила вместе домой пойдем! Она должна быть у себя. Зайди к ней, она часто спрашивает о тебе, и переживает.

– А что переживать, у меня все хорошо?! Только скучаю по вам по всем.

Сакинат Расуловна была классной руководительницей Шамсият.

– Понимаешь, доченька, мы, учителя, привязываемся к вам, к своим ученикам, и у нас сердце болит за вас. Мы переживаем ваши неудачи и радуемся когда у вас все хорошо. Сакинат часто спрашивает о тебе.

Шамсият пошла в кабинет русского языка и литературы, в котором должна была быть ее бывшая классная руководительница. Но ее там не было. Кабинет был закрыт. Девушка направилась к учительской где должно быть состоялся педсовет. Там она нашла еще несколько учителей. Она поздоровалась с ними, и учителя в свою очередь были очень рады ее увидеть. Среди них была и Сакинат Расуловна.

– Ну как у тебя дела моя, умница? – начала Сакинат Расуловна когда они остались одни.

– Все хорошо! Вот только скучаю я по Хунзаху, – глаза у девушки вдруг стали мокрыми.

Она отвернулась, чтобы учитель этого не заметила, и продолжила. – Я сама не ожидала, что так будет. Вначале мне говорили, что это пройдет, но не проходит, моя душа словно не со мной. Я скучаю по всем вам.

– Да. Мама рассказывала.

– А в остальном все хорошо! – наконец девушка улыбнулась.

– Постой, постой, – только сейчас учительница обратила внимание на короткий хвостик волос которые выглядывали из-под платка, – ты что, отрезала косу?

– Да, – девушка поймала на себе строгий, осуждающий взгляд учительницы, такой, какой она и ее одноклассники иногда ловили на себе все годы обучения в школе. – Понимаете, в Махачкале все такие модные, современные, и я со своей длинной косой выглядела слишком уж старомодно. Надо мной даже прикалываться начали. А волосы у девушки должны быть такими, чтобы из них можно было делать разные красивые прически, а не только в косу заплетать.

В Хунзахе было холодно. Покрытые коркой льда улицы жители сыпали золой или песком, чтобы не упасть. Шамсият вышла на балкон, отсюда открывался великолепный вид на Тобот и Хунзахский водопад. Она оглядела просторы покрытые белоснежным снегом, снег казался таким чистым, белым и нетронутым словно его специально берегли сохраняя первозданный вид. А над этими просторами величественно возвышалась «Седло гора», словно седой великан многое повидавший на своем пути. У Шамсият возникла идея подойти к обрыву, прогуляться по Тоботу, но она быстро отказалась от этой идеи, так как снег был почти по колена, и пробираться было бы сложно.

«Вот бы сейчас лыжи сюда, – вспомнила Шамсият Чиндирчери, – Почему интересно у нас в районе не строят горнолыжный курорт, природа у нас шикарная, зимы снежные, горы крутые, есть где разгуляться. Так хорошо было бы если у нас был курорт».

Но... курорта здесь не было. Несмотря на возможности которые природа щедро предоставила строить его не торопились, или вовсе не планировали. Шамсият стало грустно от всего этого. Она очень сильно любила свой район, свое село. А в последние годы район и села в нем опустошались, люди переезжали в город и в другие населенные пункты потому, что в своем родном селе не находили работу. Было сложно обустроить быт и жизнь. Даже в Хунзахе было

очень много заброшенных медленно разрушающихся домов. А в других селениях опустошения происходили еще интенсивнее.

Для себя же Шамсият твердо решила, что жить и работать она будет только в Хунзахе. Замуж она выйдет за Хунзахского парня который будет жить здесь.

В этот момент она вспомнила Абдулджалила. Этот статный, невероятно красивый юноша разбудил в ее сердце нежные, доселе незнакомые ей трепетные чувства. Но она не относилась к ним серьезно, так как с детства их как и всех девушек горянок воспитывали, что замуж можно выходить только за своих: за парня своей нации, со своего села и желательно своего тухума. Рабият вышла замуж за троюродного брата. Разита тоже была засватана за Хунзахца. У Шамсият пока не было жениха. Но она знала, что жениха ей выберут родители, а она готова выходить за того, кого ей выберут, ведь они знают лучше и никто не желает своим детям добра больше чем родители. Так было принято из покон веков.

Но сейчас этому правилу уже не следовали столь категорично как в старину. Были такие кто нарушали эти неписанные правила и выходили замуж за парней с других сел, других национальностей. Но Шамсият считала, что этим девушки сами усложняют себе жизнь. «Тот кто любит свое село, свою нацию разве может жениться или выходить замуж за представителей других сел или других наций», – рассуждала девушка, так учили ее родители. И дело не в том, что другая нация или другой район плохие, дело в том, что они другие, и выбирать их предпочитая своим значит не уважать своих.

«Абдулджалил аварец, но с другого района, он цумадинец, – потому Шамсият умом не рассматривала его как своего будущего мужа, а сердце все время рисовала перед ней его образ. Девушку пугали и одновременно радовали нежные чувства которые испытывала к парню. Ей хотелось наслаждаться впервые пробудившимися в ее сердце чувствами, растворяться в них. Эти ощущения были единственным приятным, что было у нее в Махачкале. Все остальное ей там не нравилось: пафос городских девчонок, отстраненные отношения с людьми, необходимость ездить на маршрутках на которых постоянно или опаздываешь или приходишь слишком рано в университет...

Шамсият решила еще раз поговорить с отцом о том, чтобы тот разрешил ей перевестись на заочное обучение и вернуться жить в Хунзах.

Она знала, что любимое блюдо отца аварский хинкал с сушеным мясом. Каждый раз, приезжая готовила это блюдо, чтобы порадовать его.

Гамзат возвращался из мечети. Особенно в зимние месяцы он взял для себя за правило посещать мечеть для коллективного ночного намаза. После намаза Абдулла, – дибир Хунзаха проводил проповедь-наставление для молодежи, для взрослых мужчин, стариков... для всех. Гамзат старался не пропускать эти проповеди. В них он находил ответы на все свои вопросы и по ним собирал благие деяния в путь на мир этот и вечный.

Еще у ворот Гамзат почувствовал аромат вареного сушеного мяса. Голодного и уставшего мужчину порадовал этот аромат. Шамсият услышала как отец вошел в дом. Она вышла поздороваться с ним.

– Добрый вечер папа! Устал наверно? – в платке, в халате и в переднике которое частично было заляпано мукой Шамсият предстала перед отцом.

– Нет! Не устал, но голодный.

– Я приготовила хинкал. Сейчас накрою на стол.

Шамсият была самой мягкой и доброй из дочерей. Она всегда когда приезжала готовила любимое блюдо отца. А если отец приезжал в город так же готовила хинкал. Гамзату казалось, что Шамсият любит его и привязана к нему больше других дочерей.

Мясо уже сварилось. Девушка переложила его в другую кастрюлю и закрыла крышкой, чтобы не остыло. Варенное сушеное мясо приятно на вкус как в холодном так и в горячем виде. Но сейчас Шамсият хотелось подать его горячим. Айшат помогала накрывать на стол. «Так, что я еще не доделала? Соус и чеснок я уже приготовила. Оставалось только сварить хинкал». Это дело она оставляла до того момента пока придет отец. Аварский хинкал, блюдо которое варится за пять минут и подавать надо сразу после варки.

Поздоровавшись с отцом Шамсият поспешила на кухню. Она раскатала заранее готовое тесто и порезала его на маленькие четырехугольные части. Их она бросила в кастрюлю с кипящей водой. Аварский хинкал очень капризны на варку. Варить их надо определенное количество времени. Шамсият варила их ровно четыре минуты. Не больше и не меньше. Если варить их хоть на минуту больше они получались твердыми и темными, а если меньше они просто недоваривались. По истечении четырех минут девушка вытащила хинкал, аккуратно выложила их на блюдо, вместе с сушеным мясом и пошла звать домочадцев за стол.

Ужинали молча. В семье Сулеймановых было не принято разговаривать во время еды. Шамсият сидела и наслаждалась в кругу семьи. Она снова была в теплом, домашнем очаге. Рядом мама, папа и сестра.

Гамзат был в веселом расположении духа. Еще бы: приехала его дочь, его гордость и красавица Шамсият. Все его дочери были хороши, отцу не принято хвалить своих дочерей, но Гамзат гордился ими всеми.

«Ну и что, что нет сына. Значит такова воля Аллаха. Зато Всевышний дал четырех дочерей. Все красавицы, умницы, глаза радуются, просто загляденье. Вот выйдут замуж и будут у меня сыновья» – рассуждал Гамзат. Старшую, свою особую радость, и гордость, – Рабият, Гамзат уже выдал замуж. За достойного парня. Из хорошего тухума, сын достойных родителей. Умный, воспитанный... – Мурада, Гамзат считал достойной оправой для такого бриллианта как его дочь. Он любил зятя по-отечески и гордился им.

Гамзат каждый раз радовался когда приезжали дочери. Разита в этот раз не приехала. Своенравная и строптивая, – она как уехала в город уже больше не хочет возвращаться в Хунзах. А Шамсият другое дело. Она использует любую возможность, чтобы приехать в отчий дом, навестить родителей.

Когда-то их дом был «полной чашей» и все члены семьи собирались вечером за столом: он с женой и их дети: Рабият, Разият, Шамсият и Айшат. Он как глава семьи всегда первым делал Бисмиллях (просил Аллаха благословить пищу) остальные члены семьи шепотом повторяли за ним и приступали к еде. Ели всегда молча. Лишь иногда слышались просьбы передать что-то. После еды благодарили Аллаха, а жена иногда делала дуа, в которой просила Аллаха угостить души всех умерших вкусной трапезой, называла имена всех умерших в их роду, а так же просила Аллаха благ для своей семьи и уберечь их от плохого. А теперь семья постепенно опустошалась. Дети выросли. Уехали учиться в город. Рабият вышла замуж, у нее уже своя семья, свой дом. Разита засватана и тоже скоро выйдет замуж. У Шамсият пока жениха не было, но отец знал намерения дочери выйти замуж только за того кто будет жить в Хунзахе. И это его радовало. Хоть одна из дочерей пусть живет рядом и он будет иметь возможность часто видеть внуков.

Первым из-за стола встал папа. Он поблагодарил дочку и пошел по своим делам.

– Милая сестренка, я бы очень хотела тебе помочь, но я сегодня за целый день слишком сильно устала, – Айшат поцеловала сестру в щечку и не дожидаясь ответа убежала в свою комнату.

Помогать дочери осталась Умакусун. Убирать было не так уж много, просто женщине хотелось побыть с дочерью, поговорить с ней.

– Шамсият, я еще раз поговорила с папой насчет твоей просьбы разрешить тебе взять заочное обучение. Он сказал, что после третьего курса найдет тебе здесь работу и тогда переведешься. Просто так заочное обучение тебе ничего не даст. А если будешь работать ты научишься своей профессии.

– Мам, ну до конца третьего курса еще два года.

– Ну и что! Учись дочка. Чего тебе не хватает? Ты живешь в самом красивом городе северного Кавказа, учишься в самом лучшем университете Республики. Папа предоставил вам целый дом. Живи и наслаждайся. Не понимаю я тебя. У других дочери просто счастливы, что живут в городе, обратно возвращаться не хотят. А ты? Что у тебя здесь, что так сильно не хочешь уезжать?

– Не знаю, мама! Не знаю за что, но я люблю Хунзах. Люблю его просторы, зеленые дали, сочные луга, снежные зимы... Ты знаешь в Махачкале снег пошел только недавно, и уже растаял?

– Знаю, – строго сказала женщина, – в Махачкале мягкий и теплый климат. Это же хорошо.

– Может и хорошо, но я люблю здесь. Я привыкла здесь.

– О, Аллах! – женщина схватилась за голову, – привыкла она. Этой малолетке только 18 и она о привычках говорит. Как будто всю жизнь прожила. Что ты будешь делать если выйдешь замуж в город, и придется жить с мужем в Махачкале?!

– А я не выйду за того кто живет в Махачкале. Я выйду замуж только в Хунзах.

– Ох, не зарекалась бы ты дочка, не зарекалась бы. Мы не знаем как сложится наша жизнь. Вот я просто влюбилась в этот чарующий город когда поехала туда учиться и мечтала остаться жить там. Ох как я мечтала, как мечтала! Но, – Умакусун грустно посмотрела на дочь, – вот уже пятый десяток живу в селе.

Девушка подошла к матери и обняла ее. Шамсият знала как сильно маме нравилась Махачкала когда она там училась. Выходя замуж за папу, она даже не думала оставаться жить в селе. Отец тогда ждал, пока получит распределение в город, и тогда поедут туда жить. Но, неожиданно папе предложили хорошую работу в Хунзахе, и с тех пор они здесь.

– Ну если суждено мама, значит суждено. Значит буду жить в Махачкале. Что же теперь? Хотелось бы, конечно, здесь. Жить рядом с вами. Ходить каждый день в гости к вам. Дети будут знать аварский язык, – Шамсият отпустила мать и посмотрела ей в глаза. – Мама, ты знаешь, в Махачкале многие дети не знают своего родного языка. Разговаривают на русском.

– Знаю дочка. Это, конечно, печально, но это бич современности. Многие забывают свой родной язык.

– Забывают, потому что родители дома между собой не говорят на родном языке. А вот мои дети, не важно где будут жить, будут говорить на аварском.

Умакусун улыбнулась. Ее умиляли мечты дочери.

– Дай Аллах, доченька, дай Аллах, все твои мечты сбудутся.

Шамсият проснулась от того, что в комнате было слишком много света. Укрывшись от нахального солнечного лучика который упрямо лез в глаза она вспомнила как вчера перед сном задернула занавеску и подняла жалюзи и какое-то время смотрела на звезды любовалась на улицу.

Шамсият встала и выглянула из окна. Люди убрали снег с дороги, разгребли ее в кучи по краям, и теперь улица представляла из себя коридор со снежными перилами. Снег блестел. Солнце светило так сильно, что его свет заставил зажмуриться даже Шамсият которая находилась в комнате. Солнце в горах светит очень сильно, и даже зимой часто ослепительно светит, но мало греет, и снег в горах тает только весной.

Шамсият посмотрела туда, куда звали ее сердце и душа. Тобот – обрыв высоких скал, откуда в ущелье падает несколько мелководных ручеек, образуя высокие водопады.

Одевшись девушка спустилась вниз. Дома никого не было. Шамсият поставила себе чай. Кушать ей не хотелось, она посмотрела на часы, время показывала 11:20. «Вот это я так долго спала», – удивилась девушка. Но потом вспомнила, что это горский воздух предрасполагает к глубокому и крепкому сну. Выпив чай Шамсият решила пойти в Тобот. Она очень любила это место. Она с часто ходила туда с сестрами, с одноклассниками, а иногда и одна. Когда ее одолевали сомнения, и у нее возникали проблемы, она шла к Тоботу одна и медленно прогуливалась там. Это помогало ей находить верное решение.

Девушка одела дутик, закуталась в мамину шаль и весело направлялась в Тобот. Тобот был излюбленным местом туристов, гостей Хунзаха, а также самих жителей, потому Шамсият обнаружила, что дорога, ведущая к Тоботу, очищена от снега. Солнце светило ослепительно, снег блестел как тысячи россыпь бриллиантов. Шамсият подошла к обрыву, вода у основания водопада замерзла и устроила настоящую ледяную башню. Подойдя на край обрыва перед девушкой открылся просто великолепный вид обрыва: крутые скалы, и ущелье куда если упасть умрешь мгновенно. Шамсият этот вид был давно привычен, но все равно она каждый раз не переставала восхищаться красотой и живописностью природы родного края. Вдруг она вспомнила Абдулджалила: «вот бы он тоже увидел эту красоту» Шамсият сделала фото самого живописного места и отправила Абдулджалилу. Ответ пришел почти сразу же: *«Очень красиво. Это где?»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.